9(47.20)
С-769

ОСТРОВА

КОНЕВЕЦЪ и ВАЛААМЪ

И

ТАМОШНІЕ МОНАСТЫРИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОБОЗРѢНІЯ ЛАДОЖСКАГО ОЗЕРА НА ОСНОВАНІИ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЙ И ДОСТОВѢРНЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ).

«Обновляйтеся ко мнѣ острови».
Ис. 41, 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

NLRK 00260238

4479

ОСТРОВЪ КОНЕВЕЦЪ

и

ТАМОШНІЙ МОНАСТЫРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Опекунскаго Совѣта.

1852.

1933

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 14 мая 1852 г.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Югозападныя воды Ладожскаго озера . ,	5 — 9.
Очеркъ исторіи о. Коневца	9 — 19.
Расположеніе Коневской обители . . .	19—30.
Соборъ Рожественскій	23—28.
Гробница Преподобнаго Арсенія, образъ Божіей Матери и другія примѣчательности.	24—27.
Число иноковъ на Коневцѣ и занятія ихъ.	29—31.
Коневскій скитъ на Св. горѣ.	32.
Конь камень.	32—34.
Почва острова	34—36.
Поля, луга, лѣса и животныя.	36.
Рыбныя ловли	37.

КОНЕВЕЦЪ.

Островъ Коневецъ, замѣчательный тамошнимъ монастыремъ, прилегаетъ почти къ самой срединѣ западнаго берега Ладожскаго озера. Жители С. Петербурга отправляются сюда на одномъ изъ Ладожскихъ пароходовъ, принадлежащихъ П. Н. Вышинскому,—«Петръ Великій», который каждую пятницу по полудни выходитъ въ озеро изъ г. Шлиссельбурга, а въ большую убыль Невы, когда трудно бываетъ проходить мели на ея истокѣ, изъ Кошкинской пристани, находящейся въ 7 верстахъ отъ города. Пароходъ идетъ собственно на о. Валаамъ, столь же любопытный своимъ монастыремъ, и на пути рано утромъ слѣдующаго дня заходитъ въ Коневецъ; а на обратномъ пути въ г. Шлиссельбургъ оставляетъ этотъ островъ въ понедѣльникъ утромъ.

Плаваніе на пароходѣ по Ладожскому озеру въ Коневецъ или Валаамъ небывалый и любопыт-

ный путникъ не можетъ представить себѣ заманчивой прогулкой: оно очень скромно, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли богомольца и вотъ какъ совершается. Изъ виду путника скоро исчезаютъ: низенькій и пестрый городъ Шлиссельбургъ, крѣпость передъ нимъ, сплошное и невысокое зданіе, два маяка: Кошкинскій съ правой стороны города и Караджинскій съ лѣвой и весь южный берегъ озера, который они занимаютъ, и также скоро шпрѣетъ съ противоположной стороны озеро. Въ тихую погоду пароходъ держится средины озера, въ ветряную—лѣваго или западнаго берега: здѣсь еще видны песчаныя отмели этого берега, перемежающіяся зеленымъ кустарникомъ; а тамъ, на 120 верстъ всего пути парохода до Коневца, продолжается одна пустынная ровнина водъ. Тѣмъ болѣе путникъ находитъ пріятнымъ всякое развлеченіе на озерѣ. Онъ съ удовольствіемъ слѣдитъ взоромъ судно, которое вдали, на синевѣ водъ скользитъ будто подъ однимъ парусомъ, а вблизи парохода становится гальётомъ о семи парусахъ; или нѣсколько нагруженныхъ судовъ, когда онѣ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, бѣгутъ къ Кошкинской пристани съ двухъ противолежащихъ береговъ: Кексгольмскаго и Олонецкаго, верениицами, и одно изъ нихъ, которое легче, завидя

Кошкинскій маякъ, выходитъ изъ своего ряда, опережаетъ, и всѣ суда ревнуютъ достигнуть какъ можно раньше этой пристани. Его очень занимаютъ общіе виды воздушной и водяной природы, особенно красивые въ ясную погоду. Трудно выразить словами, какіе это виды. Скажемъ однако, что въ ясный день вечернее солнце ярко позлащаетъ здѣшнюю ровнину озера. Югозападныя воды вообще отличаются гладкой поверхностью, мелки и изобилуютъ песчаными отмелями, на которыхъ, даже верстъ за 20 отъ города, береговые рыбаки ставятъ мережи, означая ихъ шестами съ флагами. Далѣе, верстъ за пятьдесятъ отъ города, гдѣ береговъ совсѣмъ незамѣтно, когда только на востокѣ воздухъ нѣсколько свѣтлѣе воды, на прочихъ же сторонахъ онъ слпвается съ нею, въ полномъ смыслѣ слова, весь этотъ безпредѣльный міръ блѣдноземеной мглы озаряетъ заходящее солнце радужнымъ свѣтомъ. Подъ вліяніемъ этихъ видовъ озера путникъ благословляетъ свое набожное предпріятіе. Въ пасмурную погоду—онъ видитъ, то сѣрыя облака, окаймленныя золотымъ лучемъ солнца, устилаютъ голубое небо, и темное озеро отражаетъ полосы блестящихъ волнъ; то эти облака висятъ, или разнообразно громоздятся на всемъ небѣ, и каждая волна на темной ров-

шинѣ озера сверкаетъ своимъ гребнемъ. Эта волна ростетъ, ширѣетъ, носитъ съ порывистымъ шумомъ свою колыбель, покрытую кудрявой пѣной, и предозначаетъ наступленіе бурнаго вѣтра. Однако здѣсь нельзя назвать озеро свирѣпымъ. Судохозяева, которымъ памятны бури на озерѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ случаются рѣдко, увѣряютъ, что въ сѣверозападной части озера онѣ бываютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ здѣшней югозападной. Видъ бури на озерѣ обращаетъ всѣ мысли путника къ Богу. Но чтобы сократить время на пароходѣ, не занимаясь природой, путнику служитъ большимъ развлеченіемъ общій разговоръ. Съ закатомъ солнца, когда собесѣдники слушаютъ только неутомимаго разскащика изъ своего круга и то— равнодушно, помышляя болѣе объ удовлетвореніи желудка, пароходъ представляетъ разнообразный ужинъ. Въ каютахъ располагаются за чаемъ, или за ухою; на палубѣ, по скамьямъ кушаютъ сухіе, постные припасы съ рукъ; бѣдные странники, сидя на передовомъ краю парохода, на полу, довольствуются скуднымъ кускомъ хлѣба и даже сухарями, размоченными въ водѣ. Между тѣмъ въ замѣнъ солнца появляется луна. Выплывъ въ половину изъ-за круглой ровнины озера, она пламенѣетъ, какъ настольный свѣточь; на серединѣ небо-

склона кажется золотымъ матовымъ щитомъ, а достигнувъ всей высоты, простираетъ въ мрачную глубь озера свой лучистый шагъ, и будто сопутствуетъ пароходу съ правой стороны. Съ наступленіемъ ночи пароходъ точно пустѣетъ. Сначала путники только укрываются: кто надѣваетъ шубу, кто поднимаетъ воротникъ верхней одежды; потомъ успокоиваются въ каютахъ на мягкихъ диванахъ, или на палубѣ, опершись на ручки скамей, пріютясь близь теплой трубы парохода, и наконецъ, не въ состояніи превозмочь одолѣвающаго сна, всѣ ложатся, кто гдѣ можетъ. Очень немногіе, сильно взволнованные плаваніемъ, бодрствуютъ цѣлую ночь. Но они видятъ восхожденіе солнца. Чтобы сколько нибудь означить это самое великолѣпное зрѣлище на озерѣ, выразимся такъ: во время разсвѣта яснаго дня на радужномъ востокѣ, какъ на роскошнѣйшей почвѣ, растетъ кустъ сіяющихъ лучей; превратившись въ вѣнечный цвѣтъ солнца, катится по небосклону, и разсѣвая на пути свой яркій блескъ, питаетъ съ высоты неба каждую волну въ озерѣ. Наконецъ, въ разстояніи ста верстъ отъ Шлиссельбурга, любопытный путникъ замѣчаетъ зеленоватую полосу земли, которая измѣняется скоро въ песчаную отмель, покрытую лѣсомъ, и обнаруживаетъ бѣлыя,

каменныя зданія. Это и есть островъ Коневецъ, занятой монастыремъ.

Духовная обитель на Коневцѣ существуетъ со времени первобытнаго заселенія этого острова. Кто былъ первымъ поселенцемъ и когда основана первая церковь и обитель на Коневцѣ—объ этомъ повѣствуютъ Новгородскія лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. III. С.п.б. 1841) и мѣстное преданіе (Историческое изображеніе о началѣ Коневской обители. С.п.б. 1817 г.). По свидѣтельству ихъ, въ Новгородской обители на Лисичьей горѣ (упраздненной въ XVIII вѣкѣ и нынѣ стоящей въ развалинахъ близъ Хутынскаго монастыря) постригся въ 1379 году юноша Арсеній. Неизвѣстно, откуда онъ былъ родомъ и чей сынъ, но вѣрно былъ воспитанъ благонамѣренными людьми, когда въ молодыхъ лѣтахъ зналъ трудное въ то время искуство ковать мѣдныя издѣлія, и проходилъ въ обители разныя послушанія съ Христіанскимъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Черезъ одиннадцать лѣтъ своей смиренной жизни въ Новгородской обители, Арсеній прибылъ на Аѳонскую гору, и трудился въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Выдѣлывая мѣдную посуду безвозмездно и для прочихъ Святогорскихъ монастырей, онъ довольно прославился своимъ усердіемъ и

благочестіемъ, и когда послѣ трехлѣтняго здѣсь подвижничества пришелъ къ Игумену Іоанну II просить благословенія возвратиться въ Россію, удостоился получить изъ его рукъ икону Божіей Матери и уставъ общежитія, для основанія монастыря въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи. Мысль объ этомъ святомъ дѣлѣ оживила духовные труды Арсенія. Онъ возвратился въ Новгородъ въ Лисичскую обитель, чтобъ испросить благословеніе у своего Игумена, и вскорѣ пошелъ странствовать по сѣверу Россіи. На пути онъ трудился въ многолюдной обители на Валаамѣ, жилъ въ погостѣ Городенскомъ, гдѣ находится нынѣ г. Кексгольмъ, и отплылъ было отсюда къ сѣверозападнымъ островамъ озера, которые казались ему уединеннѣе, но поднялся противный вѣтеръ и заставилъ его обратить судно назадъ, чтобы пристать къ здѣшнему острову; тогда онъ водрузилъ крестъ на немъ и поселился.

Сначала, въ теченіи двухъ лѣтъ, при выстроенной часовнѣ на высотѣ острова пн. Арсеній велъ скитское житіе, какъ ни было оно трудно и какъ ни склонялъ его возвратиться на Валаамъ инокъ Лаврентій, посланный отъ тамошняго Иг. Силы. Мѣстное преданіе замѣчаетъ, что до его поселенія жители ближайшаго берега употребляли этотъ

островъ для конскаго пастбища; они думали, что ихъ скотъ, который находился здѣсь цѣлымъ и невредимымъ безъ всякаго надзора, въ теченіе всего лѣта, сохраняли духи, скрывавшіеся подъ однимъ большимъ камнемъ, и въ знакъ признательности оставляли у него каждою осенью одного коня; слѣдующею весною, не найдя коня, который, конечно, погибалъ въ какой нибудь трущобѣ отъ холода и голода, они продолжали вѣрить, что онъ пожранъ духами и жертва ихъ принята И по этому огромный камень тотъ называли Конькамнемъ, а самый островъ Коневымъ. Иноковъ Арсеній, узнавъ объ этомъ суевѣрномъ обычаѣ народа чрезъ рыбаря Филиппа, въ началѣ своего поселенія на острову, окропилъ окрестность св. водою и разувѣрилъ народъ въ существованіи духовъ подъ огромнымъ камнемъ. Это преданіе объ одномъ изъ подвиговъ Арсенія почти во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вѣроятія. Нѣкоторые жители здѣшняго берега озера, державшіеся этого обычая, могли носить Русскія имена и давать Русскія названія здѣшнимъ урочищамъ, потому что еще въ 1227 г. Вел. Кн. Ярославъ Всеволодовичь послалъ крестить окрестныхъ Корелъ (П. С. Р. Л. Т. I. ст. 191), а за Православною вѣрою они могли принять и Русскій языкъ.

Долго послѣ въ 1534 году Владыка Новгородскій и Псковскій Архіепископъ Макарій писалъ Царю Іоанну Васильевичу, что въ Вотской Пятинѣ, въ Чуди, Ижорѣ и около Ивань города, Ямы города, Корелы, Копорья, Ладоги, Орѣшка, отъ Нарови до р. Невы, отъ Невы до р. Сестры, во всей Корельской землѣ *до Коневыхъ водъ,* и за Ладожское озеро, и около него, на пространствѣ вдлину больше тысячи верстъ, существуютъ многія идолопоклонническія суевѣрія и скверныя мольбища идольскія, которыхъ предметомъ: лѣса, *камни,* рѣки, болота, источники, горы, холмы, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, озера (Полн. Соб. Рус. Лѣт. Псковская II лѣт. С.п.б. 1851. ст. 73).

Потомъ инокъ Арсеній перешелъ къ заливу на южную сторону острова, и въ 1398 году при Архіепископѣ Іоаннѣ Великаго Новгорода и Пскова создалъ съ помощію собранной братіи церковь, кельи и ограду и такъ устроилъ монастырь. Онъ воздвигъ церковь, изъ камня (П. С. Р. Л. Новгородская Третья л. ст. 233, четвертая л. ст. 102), во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, Которой образъ принесъ съ Аѳонской горы, и до сихъ поръ здѣшній соборъ и обитель сохраняютъ названіе Рожественскихъ. Во время вторичнаго отбытія Арсенія на Аѳонскую гору,

при Новгородскомъ Архіепископѣ Симеонѣ, братія, претерпѣвая существенные недостатки въ жизни, готова была уже оставить основанную обитель; но старецъ пп. Іоакимъ, молившійся объ отвращеніи этого несчастія уединенно на высотѣ острова, внушилъ братству надежду на помощь Божію, и дѣйствительно Арсеній вскорѣ возвратился, привезя все потребное на двухъ судахъ. Эта высота острова называется съ тѣхъ поръ Святой горой. Но необыкновенное разлитіе Ладожскаго озера, бывшее по всѣмъ Новгородскимъ лѣтописямъ въ 1421 г., простиралось за порогъ церкви. Тогда Арсеній перенесъ монастырь на нынѣшнее его мѣсто и выстроилъ здѣсь каменную церковь съ деревянными кельями и оградою. Этой постройкѣ содѣйствовалъ Новгородскій Владыка Евѳимій Вяжицкій, возведенный изъ священноиноковъ обители на Лисичьей горѣ (по Перв. Новгор. лѣт. ст. 110, въ 1429 г., по Трет. Новгор. л. ст. 238, въ 428 г.). Вспоминая свою бытность съ Арсеніемъ въ этой обители, Владыка неразъ навѣщалъ его на островѣ. Судно Владыки иноки встрѣчали и провожали на южной сторонѣ острова въ заливѣ, который и называли поэтому Владычнею лахтою. Теперь этотъ заливъ занесенъ пескомъ и каменьями, поросъ травою и мохомъ. Проведя 65 лѣтъ въ

строгомъ иночествѣ, избравъ по себѣ Игуменомъ Іоанна, престарѣлый Арсеній умеръ на рукахъ своей братіи 12 іюня 1444 г., въ день памяти Св. Онуфрію. Братія похоронило тѣло его на паперти храма и построила въ ней придѣлъ, во имя Св. Онуфрія. Церковь впослѣдствіи причислила Арсенія къ лику Святыхъ.

По смерти Св. Арсенія Коневская обитель продолжала существовать на острову непрерывно. Но когда шведы взяли въ 1577 г. сосѣдній г. Кексгольмъ и разорили каменную церковь и кельи въ Коневской обители, Иг. Леонтій принужденъ былъ мощи Св. Арсенія, бывшія вскрытыми, положить подъ спудъ въ основаніи церкви, по лѣвую сторону входныхъ западныхъ дверей, взять образъ Чудотворной Божіей Матери, церковную утварь и выѣхать съ братіею въ г. Новгородъ въ Воскресенскій Деревяницкій монастырь. Хотя въ 1594 г. Кексгольмъ возвращенъ былъ Россіи и обитель возстановлена, вмѣстѣ съ Пюхаярвскимъ погостомъ, но въ 1610 г. Шведскій Король Карлъ IX, посредствомъ войска, посланнаго на помощь, обѣщанную Царю Василію Іоанновичу Шуйскому, завладѣлъ снова Кексгольмомъ, и Иг. Леонтій, по приказанію Митрополита Исидора, вновь удалился съ Коневца.

Черезъ сто лѣтъ спустя, Петръ Великій завоевалъ всю область Корелiи. 24 марта 1716 года Царь отдалъ было Коневскiй островъ, на которомъ, по тогдашнему измѣренiю, считалось пашни перелогу 5 десят., пашни заросшей 10 д., лѣсу и болотъ 728 д., Кригсъ-Коммисару Тайному Совѣтнику Князю Як. Ѳед. Долгорукову. Но по просьбѣ Архимандрита Деревянницкаго монастыря Іоаннiкiя и по согласiю Князя, указомъ отъ 30 апрѣля 1718 г., за подписью Свѣтлѣйшаго Князя Римскаго и Россiйскаго государства и Герцога Ижорскаго А. Д. Меншикова, Государь возвратилъ островъ въ прежнее владѣнiе Деревянницкаго монастыря. Тогда Митрополитъ Iовъ послалъ въ Коневецъ Iеромонаха Тихона съ немногочисленною братiею возобновить тамошнюю обитель. Iеромонахъ нашелъ на острову одинѣ развалины каменной церкви: она была разобрана Шведами на постройку Кексгольмской крѣпости и пощажена только въ основанiи, которое сохраняло гробницу Св. Арсенiя. Впрочемъ на этихъ развалинахъ, обросшихъ лѣсомъ, возвышалась деревянная часовня, которую поставили надъ гробницею Русскiе, жившiе съ семействами въ двухъ крестьянскихъ домахъ на Святой горѣ. Iером. Тихонъ построилъ маленькую деревянную церковь,

во имя Св. Николая Архіепископа Мирликійскаго Чудотворца, освященную 4 ноября слѣдующаго года, по благословенію Преосвященнаго Аарона Епископа Корельскаго и Ладожскаго, какъ видно было изъ надписи на крестѣ, стоявшемъ въ алтарѣ церкви. Въ этой единственной церкви совершалъ службу сначала священникъ, жившій съ семействомъ на острову; монахи Деревяницкаго монастыря занимались большею частію хозяйствомъ, и возобновлена обитель, будучи малолюдною, испытывала вовсемъ недостатокъ.

Однако съ 1760 г., когда по просьбѣ строителя Іеромонаха Игнатія, поданной Новгородскому и Великолуцкому Архіепископу Димитрію, островъ Коневецъ былъ признанъ независимымъ отъ Деревяницкаго монастыря, и монастырь на Коневцѣ, какъ безвотчинный, оставленъ за штатомъ при настоятельствѣ строительскомъ, обитель стала умножаться и устроиваться. По ходатайству Ст. Игнатія, Императрица Елисавета Петровна пожертвовала денегъ на постройки и всѣ принадлежности для церковной службы; равно С. Петербургскіе граждане усердствовали въ пользу обители, и такъ въ 1762 г. испрошено было благословеніе возобновить Николаевскую церковь и возвести соборъ. При Іеромонахѣ Тарасіѣ, бывшемъ 20 лѣтъ Строи-

телемъ послѣ Игнатія, Николаевская церковь съ небольшой колокольней надъ папертью окончена постройкою; содѣйствіемъ С. Петербургскаго Сергіевскаго Протоіерея Игнатія Васильева построенъ соборъ, освященный въ іюнѣ 1766 г. а вскорѣ и кельи съ оградою. Академикъ Озерецковскій (Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому. Спб. 1792 г.) свидѣтельствуетъ, что въ 1785 г. къ обители велъ мостъ съ пристанью на правой сторонѣ; на мѣстѣ церкви, разрушенной Шведами, возвышался каменный, одноэтажный соборъ съ деревяннымъ верхомъ подъ колоколообразною крышею; прочія строенія: отдѣльная колокольня съ коническою крышею, подлѣ собора; ветхая Никольская церковь, на правой сторонѣ отъ входа въ обитель съ пристани, близъ ограды, и особые братскіе гостинные домики по оградѣ съ перилами вверху и башнями по угламъ, были деревянныя. Въ обители находилось 8 иноковъ, и хотя достояніемъ ихъ были одѣ пашни и рыбныя ловли около острова, однако они раздѣляли свою трапезу съ богомольцами, свято сохраняя гостепріимство, заповѣданное основателемъ обители. Въ 1795 году отмежованы обители уѣздпымъ землемѣромъ Ив. Обергомъ рыбныя ловли на устьѣ р. Вуоксы, въ Ряйсельскомъ приходѣ Кексгольм-

скаго уѣзда, между островами Охвенница, Тиврусъ и Унукоски. Эти ловли, по трудности заочнаго управленія, нынѣ предоставлены мѣстному начальству, которое съ 1849 г. и платитъ обители за нихъ 115 руб. въ годъ. Высочайшимъ указомъ 18 декабря 1797 г. положено обители получать съ крестьянъ Кексгольмскаго уѣзда Саккульскаго прихода, за недостающія пашни указной мѣры и мельницы, деньгами 32 р. ас. и зерномъ 33 четверти ржи, 20 ч. ячменя, 8 ч. овса, вмѣсто чего, мѣстное начальство платитъ, также съ 1849 г., 298 р. 10 к. с. въ годъ. И въ 1798 г., какъ видно изъ плана, составленнаго тѣмъ же землемѣромъ, на островѣ Коневцѣ считалось распаханныхъ земель 7 д. 1222½ кв. саж., луговыхъ 17 д. 1117¾ к. с., дававшихъ до 840 пуд. сѣна, лѣсныхъ 635 д. 656 к. с., безплодныхъ 100 д. 619 к. с. и путевыхъ 4 д. 1085¼ к. с., всего 764 д. 2300½ к. с.

Но въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находимъ обитель, она начала устроиваться и распространяться со времени перенесенія Чудотворной иконы Божіей Матери изъ Деревяницкаго монастыря на островъ. Икона была перенесена съ разрѣшенія Митрополита Гавріила Строителемъ Варѳоломеемъ (съ 1798 г.), черезъ С. Петербургъ, въ сентябрѣ 1799 года. На другой годъ послѣ перенесенія

св. иконы оказалась возможность разобрать обветшалый каменный соборъ и начать постройкою новый, тотъ, который видимъ теперь. Пресвитеръ Варѳоломея, Іеромонахъ Валаамскаго монастыря Дамаскинъ, исходатайствовавъ въ 1803 г. у Императора Александра Павловича три тысячи руб. ас., отстроилъ вчерѣ верхній этажъ этого собора. Впрочемъ о времени постройки нынѣшнихъ зданій яснѣе будетъ упомянуть, вмѣстѣ, съ ихъ обзоромъ. Обратимся къ настоящему состоянію обители.

Пароходъ подходитъ къ о. Коневцу съ юго-западной его стороны, весьма песчаной, и останавливается внѣ деревянной монастырской пристани, здѣсь устроенной. Внутри пристани, видимъ, колеблются двухъпарусныя лодки ближнихъ крестьянъ рыбаковъ, стоятъ монастырская и чужія соймы съ грузомъ и возвышается гальётъ обители—рѣдкое судно по толщинѣ срубовъ. Судоемная пристань четырехсторонняя; съ двухъ сторонъ праваго переднаго угла она ограждена ящиками изъ толстыхъ бревенъ, наполненными большими валунами—средствомъ возможнымъ для обители и способомъ простымъ, но самымъ вѣрнымъ для этой цѣли; съ двухъ сторонъ лѣваго задняго угла пристань ограждена самой приро-

дой: здѣсь берегъ острова изгибается песчаною косою. Глубина пристани со стороны воротъ, или озера 7 сажень; длина деревянныхъ крыльевъ: лѣваго 60, праваго 80 сажень. Долго обитель терпѣла нужду въ пристани, не имѣя гдѣ укрыть въ бурное время монастырскія и чужія суда, и тщетно дѣлала попытки къ ея устройству, но увѣнчалась успѣхомъ въ 1844 г., тщаніемъ нынѣшняго о. Игумена (управляющаго обителью съ 1839 г.).

Длинную песчаную отмель, лежащую передъ обителью, проходимъ по наложеннымъ доскамъ, и между двумя рядами кленовыхъ деревъ, еще молодыхъ. Слѣва этого пути видимъ круглую пирамиду каменной вѣтряной мельницы, нынѣ не дѣйствующей, справа, между деревъ каменную баню и кузницу, складенныя въ 1826 г., а выше ихъ, рядомъ съ монастыремъ гостиницу, которая построена въ 1842 г. на мѣстѣ двухъ сгорѣвшихъ гостиницъ. Внѣшній видъ гостиницы простъ: она двухъэтажная, въ 13 оконъ, съ свѣтлицею въ 3 окна, подъ трехъугольнымъ щитомъ крыши; но ея строеніе—рѣдкость. Оно возведено изъ сосновыхъ бревенъ, толщиною въ двѣ съ половиною и даже три четверти аршина, срубленныхъ на здѣшнемъ острову, и очень можетъ простоять около вѣка. Только сырость воздуха

придала ей уже мрачный цвѣтъ. Внутренность гостинницы отличается удобствомъ: семейныя и одиночныя комнаты въ ней расположены съ обѣихъ сторонъ общаго хода въ каждомъ этажѣ. Но всего замѣчательнѣе въ этой гостинницѣ радушное гостепріимство, которое обитель оказываетъ путникамъ во всякое время, и Христіанская любовь, съ которой иноки услуживаютъ каждому, принося все, что нужно для обыкновеннаго здѣсь роздыха послѣ долгаго плаванія.

Лицевая сторона обители рѣзко выдается и бѣлѣетъ противъ пристани, между темнымъ, сосновымъ лѣсомъ, который окружаетъ обитель и внѣшнія хозяйственныя строенія. Ее очень краситъ разнообразіе частей. Въ срединѣ этой стороны возвышается двухъэтажная колокольня, въ 17 саж. вышиною; снизу она многостороняя, подъ трехъугольнымъ щитомъ содержитъ сводъ, служащій Св. воротами, сверху круглая, подъ округлою крышею съ просвѣтами. Простѣнки по сторонамъ колокольни присоединяютъ къ ней двухъэтажныя кельи, въ 9 оконъ, выступающія изъ черты строенія на 4 окна; а побочныя ворота раздѣляютъ эти кельи отъ четырехсторонныхъ башень, которыя стоятъ на углахъ ограды, съ трехъугольными щитами на половинѣ высоты и подъ округлыми крышами.

Колокольня, до устроїства которой большой колоколъ въ 20¼ пуда и меньшіе колокола висѣли все на обветшалыхъ столбахъ, и угловыя башни построены въ 1810 г.

Внутри обители видимъ обширный дворъ, огражденный съ четырехъ сторонъ, на пространствѣ 23¼ саж., разноэтажными кельями. На передней или западной сторонѣ ограды справа Св. воротъ, вверху двухъэтажной кельи помѣщается настоятель, внизу—казначей; слѣва Св. воротъ, вверху такой же кельи—келарь, внизу—поварня и пекарня; слѣдующія одноэтажныя кельи, которыя выдаются внутрь двора угломъ, замѣщены братіею; но въ лѣвой изъ нихъ находится трапеза. Въ самыхъ башняхъ складываются жизненные припасы: въ правой хлѣбъ, въ лѣвой преимущественно рыба. Прочія двухъэтажныя кельи на южной и сѣверной сторонахъ двора, въ 16 оконъ длиною, имѣющія сзади открытые своды для складыванія припасовъ, занимаетъ также братія; а одноэтажныя кельи по сторонамъ ихъ большей частію содержатъ погреба, кладовыя для рухляди, помѣщенія для общихъ работъ и пр. Вообще здѣшнія кельи на четырехъ сторонахъ двора разной вышины, окруженныя полисадами, и наугольныя башни придаютъ много красоты внутреннему виду обители. Кельи эти начаты

постройкой въ 1808 г. и окончены въ 1814 году при Ст. Иларіонѣ (управлявшемъ обителью съ 1807 г. 16 лѣтъ).

Посреди двора возвышается двухъэтажный соборъ, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. На пути къ собору встрѣчаемъ памятникъ изъ туземнаго гранита, съ надписью о посѣщеніи обители Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ 14 мая 1844 г. на пароходѣ «Ладога», и Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Никаноромъ 16 іюля 1850 г. на пароходѣ «Усердный». Западная сторона собора содержитъ три входа: средній ведетъ въ нижнюю церковь, два боковыхъ въ верхнюю; послѣдніе ходы освѣщаетъ двухсклонный рядъ круглыхъ просвѣтовъ подъ двухсклоннымъ обводомъ крыши и крестомъ. Сѣверная и южная стороны собора въ 10 оконъ; средніе пять оконъ въ верхнемъ этажѣ округлыя, подъ круглыми просвѣтами; рамы оконъ и простѣнки украшены разными изображеніями. Алтарная сторона выдается тремя смежными округлыми выступами, каждый въ три окна. Соборъ, покрытый желѣзомъ въ 1812 г., вѣнчаютъ многосторонніе округлыя главы: четыре деревянныя малыя по угламъ и каменная большая посреди, подъ жестяной крышею. Вотъ чѣмъ отличается

это очень красивое зданіе, длиною и вышиною 17, шириною 8 сажень. Нельзя не сохранить его въ памяти.

Нижняя церковь собора во имя Срѣтенія Господня, верхняя во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Первая освящена 12 іюня 1802 года при Стр. Дамаскинѣ, когда верхній этажъ собора только что былъ достроенъ; послѣдняя освящена 12 іюня 1809 г. при Ст. Иларіонѣ. Въ обѣихъ церквахъ съ двухъ сторонъ поддерживаютъ своды тонкіе четырехгранные столбы, и стоятъ иконостасы простой отдѣлки. Въ верхней церкви иконостасъ цвѣтомъ бѣлый, съ иконами свѣтлой живописи. Устройству его способствовалъ С. Петербургскій купецъ Як. Вас. Кривоносовъ, пожертвовавшій 4 тысячи руб. асс. Потолокъ раскрашенъ альфресковою живописью въ 1830 г., и вся эта церковь отличается хотя не богатыми, но приличными украшеніями.

Наибольшимъ украшеніемъ нижней церкви Собора служитъ сохраняющаяся въ ней главная святыня обители. Это гробница Преподобнаго Арсенія, первоначальнаго поселенца на Коневскомъ островѣ и основателя первой здѣшней церкви. Она стоитъ здѣсь на лѣвой сторонѣ отъ входныхъ дверей, подъ сѣнію, утвержденною на че-

тырехъ рѣзныхъ и вызолоченныхъ столбахъ. Рака гробницы вся серебряная, на литыхъ ножкахъ и вычеканена совсѣхъ сторонъ. На верхней ея сторонѣ изображенъ во весь ростъ «Преподобный Арсеній»; на восточной побочной сторонѣ—«Игуменъ Іоаннъ на Аѳонской горѣ благословляетъ Арсенія иконою Богоматери»; на сѣверной—«прибытіе на островъ и моленіе Преподобнаго»; на южной—«успеніе Его и надгробное служеніе предстоящихъ»; на западной изображена краткая лѣтопись жизни св. Арсенія. Эта рака, вѣсомъ 4 пуда 28 ф., сооружена при нынѣшнемъ Игуменѣ въ 1843 г., изъ переплавленныхъ серебряныхъ украшеній прежней раки, вѣсомъ 36 ф. 17 зол., сдѣланной въ 1816 г., и изъ серебра, пріобрѣтеннаго на сумму, собранную частію отъ доброхотподателей, частію продажей бывшихъ безъ употребленія вещей, съ вѣдома начальства. Она стоитъ 22 тысячи руб. асс. На той же лѣвой сторонѣ церкви, за гробницею Пр. Арсенія помѣщена другая, самая древняя святыня обители—чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, принесенная Св. Арсеніемъ съ Аѳонской горы. Икона эта, украшенная въ 1833 г. при Иг. Веніаминѣ жемчужною съ драгоцѣнными каменьями ризою, представляетъ съ одной стороны Божію Матерь съ младенцомъ Іисусомъ

Христомъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ два голубиныхъ птенца; съ другой стороны Нерукотворенный образъ Спасителя. На столбахъ около иконы, подъ стеклянными колпаками сохраняются: ковшъ Преподобнаго Арсенія, данный въ Деревяницкій монастырь и оправленный въ серебро въ 1679 г. при Игуменѣ Неофталимѣ. Покровъ, на которомъ вышиты шелками и серебромъ образъ Пр. Арсенія, съ надписью около главы и вѣнца, унизаннаго мелкимъ жемчугомъ: «Преподобный Арсеній, старецъ Коневскаго монастыря», и золотомъ, на концѣ покрова, обшитомъ до половины золотою бахрамою: «Въ лѣто при дер-
«жавѣ царствъ Благочестиваго Царя и Государя
«Іоанна Васильевича всея Россіи Самодержца, при
«Святѣйшемъ отцѣ Макаріѣ Митрополитѣ всея
«Россіи и при господинѣ Преосвященномъ Ар-
«хіепископѣ Ѳеодосіѣ Богоспасенныхъ городовъ
«Великаго Новгорода и Пскова положенъ бысть
«на гробѣ Преподобному отцу Арсенію въ оби-
«тель честнаго и славнаго Рождества Богородицы
«Коневскаго монастыря, при Игуменѣ Пименѣ и
«яже о Христѣ братіи, въ лѣто отъ Р. Х. 1551.
«А положили покровъ сей Царя и Государя
«Великаго дѣти Боярскіе Михаилъ Кузминъ сынъ
«Бровцынъ, да Григорій Якимовъ сынъ Щети-

«инпъ». Памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ, какъ Пр. Арсеній былъ чтимъ за святость богомольцами, вѣкъ спустя послѣ смерти. Крестъ серебренный, вызолоченный, вѣсомъ въ 1 ф. 91 зол, съ драгоцѣнными каменьями, осмиконечный, на подобіе древнихъ крестовъ, въ которомъ вложены мощи Пр. Арсенія. Евангеліе, въ $^1/_8$ долю листа, напечатанное въ 1740 г. и обложенное въ серебро сквознаго чеканья, на которомъ изображены Евангелисты и Воскресеніе Христово—даръ благотворителя Іеродіакона Паисія. Большое утѣшеніе инокамъ хранить всѣ эти святыни: онѣ возбуждаютъ много добрыхъ, поучительныхъ воспоминаній, какъ о Преподобномъ, основателѣ здѣшней церкви, такъ и о почтенныхъ преемникахъ Его, заботившихся о ея благолѣпіи; но не менѣе того умилительна радость благочестивыхъ путниковъ видѣть эти святыни, сохраненныя иноками въ теченіе многихъ вѣковъ. Какъ ни кратко время, на которое пристаетъ пароходъ къ о. Коневцу, путники не преминуютъ въ нижней церкви поклониться гробницѣ Пр. Арсенія, чудотворной иконѣ Божіей Матери, отслужить молебны и приложиться къ образамъ; въ верхней отслушать раннюю обѣдню, и достигаютъ по крайней мѣрѣ главной цѣли своего усерднаго плаванія. Но иногда свободное время

позволяетъ пароходу оставаться здѣсь часовъ восемь, и богомольцы осматриваютъ обитель и островъ во всѣхъ подробностяхъ.

На восточной сторонѣ двора обители, на мѣстѣ двухъ угловыхъ башень находятся маленькія однопрестольныя церкви. Юговосточная изъ нихъ или правая, во имя Св. Николая Чудотворца. Построенная вчернѣ въ 1813 г., на мѣстѣ прежней обветшалой деревянной церкви, длиною на 9, шириною на 3 саж., съ употребленіемъ стараго иконостаса, она была освящена 1 іюля 1815 г. Эта церковь называется также Кладбищенскою, потому что, внутри сѣверной паперти и на юговостокѣ снаружи при церкви похоронены монахи и благодѣтели обители. Сѣверовосточная или лѣвая церковь, во имя Пр. Арсенія; она освящена 21 августа 1849 г. Въ ней иконостасъ вызолоченный, съ рѣзными винтообразными столбами; священные сосуды, т. е. два потира и два дискоса съ принадлежностями великолѣпной отдѣлки. Эти сосуды и рака гробницы Преподобнаго Арсенія изящно сдѣланы въ С. Петербургѣ у купца Ѳ. А. Верховскаго. Между обѣими церквами возвышаются двѣ двухъэтажныя братскія кельи, въ 7 оконъ; правую изъ этихъ келій занимаетъ отчасти больница, смежная съ боковой папертью Никольской церкви.

Посреди этихъ келій находятся восточныя ворота обители, въ видѣ свода, надъ которымъ возвышается башня, содержащая библіотеку. Здѣсь книги все духовныя, и нѣкоторыя отличаются давнимъ изданіемъ. Замѣтимъ: Скрижаль. 1656 г. Москва, Мечь духовный, соч. Лазаря Барановича. 1666 г., Сентябрьская четверть Пролога. 1675 г. Москва, Шестодневъ. 1678 г. Москва, Служебникъ и Мѣсячная минея. 1676 г. Москва, Новый завѣтъ. 1692 г. Кіевъ, Евангеліе учительное Воскресное. 1696 г. и проч.

Къ церковнымъ строеніямъ Коневской обители должно отнесть также часовню для сбора подаяній въ пользу обители, находящуюся въ С. Петербургѣ на Загородной улицѣ (Московской части 2 квар.). Земля подъ часовнею (всего 17½ к. саж.) подарена въ 1819 г. купцомъ Казулинымъ, а земля подъ ея дворомъ (шириною 6 саж., длиною 15) куплена въ 1828 г. при Иг. Никонѣ, у наслѣдниковъ купца Кувшинникова. Въ этой часовнѣ стоитъ копія съ иконы Коневской Божіей Матери, и находится іеромонахъ съ двумя братіями для священнослуженія.

Въ Рожественской обители, возведенной въ третій разрядъ монастырей въ 1825 году при Иг. Никонѣ, положено состоять въ число собствен-

наго штата 12 иноками и въ число штата Александро-Невской Лавры 28 иноками. Въ ней находится, судя по 1850 году: игуменъ, 11 іеромонаховъ, 5 іеродіаконовъ, 18 монаховъ, 18 послушниковъ, сверхъ того 2 священника, всего 55 человѣкъ. На содержаніе этого числа монашествующихъ и послушниковъ или собственно братіи обитель получаетъ отъ казны 460 р. 56 к. Братіи помогаютъ до 50 чел. богомольцевъ, которые или готовятся къ вступленію въ число братства, или трудятся по обѣщанію и усердію, и до 45 чел. вольнорабочихъ, которыхъ ежегодно нанимаютъ для земледѣлія, сѣнокоса, рубки дровъ и прочихъ работъ.

Иноки отправляютъ здѣсь священную службу ежедневно по уставу, общему для всѣхъ общежительныхъ обителей. Тѣлесные труды, которые у нихъ по многосложности хозяйства очень разнообразны, они ежедневно несутъ какъ внутри обители: кельяхъ, трапезѣ, больницѣ и проч., такъ внѣ обители: въ столярной, кузницѣ, въ садахъ, поляхъ и на всемъ подвѣдомственномъ обители островѣ, гдѣ только мѣстная природа представляетъ какія нибудь средства для жизни. Поэтому, чтобъ составить понятіе о раздѣленіи всего общежительнаго труда здѣшнихъ иноковъ, необходимо обо-

зрѣть, хотя поверхностнымъ образомъ, естественное состояніе о. Коневца.

Для обозрѣнія острова достаточно обойти его замѣчательныя мѣста. Внѣ обители, на сѣверной ея сторонѣ находимъ цвѣточные и плодовые сады, разведенные съ 1844 г.; за ними огороды и каменный скотный дворъ, содержащій для удобренія земли и вообще для облегченія сельскаго хозяйства до 40 головъ рогатаго скота и до 30 лошадей; на южной сторонѣ сзади обители видимъ деревянныя строенія: дома для наемныхъ рабочихъ, столярную и другія помѣщенія. Выходя съ этой стороны въ чистый сосновый лѣсъ, по проложенной прямо дорогѣ, примѣчаемъ справа дороги, въ бору глубокаго песку гонку смолы, тѣмъ болѣе выгодную въ здѣшнемъ судоходномъ краю, что послѣ срубки деревъ на постройки корень и пни остаются безъ употребленія; а слѣва дороги, на на смежной глинистой почвѣ выдѣлку кирпича, на случай каменныхъ построекъ въ обители. Эта дорога ведетъ также въ здѣшній общій скитъ.

Коневскій скитъ является на вершинѣ длиннаго, отлогаго возвышенія острова, называемаго со временъ Пр. Арсенія Св. горою. Передъ оградой скита видимъ маленькое кладбище; внутри ограды, посреди отдѣльныхъ домиковъ, простую

одноглавую церковь, которой колокольня надъ папертью и подъ четырехсторонней конической крышей. Церковь эта, во имя Казанской Божіей Матери, освящена 13 іюня 1796 г. Скитъ весь каменный; его построилъ старецъ строгой жизни Адріанъ, Строитель обители съ 1790 по 1798 г., скончавшійся въ 1812 г. въ Симоновомъ монастырѣ. Для этой постройки оказалъ значительную помощь Ярославскій купецъ Ѳ. Тулуповъ, послушествовавшій въ скиту и постриженный потомъ въ монахи. Онъ умеръ въ 1799 г., и погребенъ на восточной сторонѣ церкви. Въ скиту живетъ 8 иноковъ, большей частію старцевъ, занимающихся очереднымъ чтеніемъ псалтыри, неусыпно день и ночь, съ поминовеніемъ усопшихъ. Огородъ сзади скита составляетъ ихъ единственное хозяйство.

Отъ Коневскаго скита идетъ тропинка по прямому направленію на другой край Св. горы, на подошвѣ которой простираются цвѣтущіе луга и волнующіяся, тучныя, высокія нивы, окруженныя густымъ лѣсомъ. Тропинка спускается съ лѣваго склона этого края, по сдѣланнымъ нарочно уступамъ, въ сосновый лѣсъ, ростущій на грудахъ голыша, и въ этомъ лѣсу находимъ огромный камень, изъ мелкозернистаго темносѣраго гранита съ кварцевыми жилами. Этотъ камень ле-

жить на подобіе скалы, обращенной мысомъ къ озеру. Основаніе его почти трехъугольное, вышина 6 саж., длина 13, толщина 9; весь объемъ около 702 куб. ар., поверхность его внизу гладкая, вверху обросшая лишаями и молодыми березами, съ боковъ горбатая, глубоко треснувшая. Лѣстница съ боку камня ведетъ въ деревянную часовню, устроенную на его вершинѣ. Подлѣ него съ лѣвой стороны лежатъ два другіе камня, аршина два вышиною. Въ историческомъ отношеніи этотъ огромный камень замѣчателенъ какъ древній памятникъ народнаго суевѣрія, по которому (что упомянуто на стр. 11) онъ названъ Русскими Конь-камнемъ, а самый островъ Коневымъ, еще до времени поселенія здѣсь Пр. Арсенія, хотя долго послѣ Финны называли этотъ островъ просто Рандасари — прибрежный островъ (какъ видно изъ Шведской оброчной книги 1589 г.). Въ естественномъ отношеніи Конь-камень замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ явный и вѣрный признакъ здѣшней наносной почвы. Его порода одинакова съ породой камня, составляющей сѣверозападный берегъ Ладожскаго озера; онъ и лежитъ на сѣверозападной сторонѣ острова, обращенной и ближайшей къ этому берегу, и притомъ на розсыпи округленныхъ валуновъ разной

величины, которые здѣсь скопились отъ упора и стѣсненія водъ между Святой горою острова и югозападнымъ берегомъ озера. Все это доказываетъ, что Конь-камень—огромный обломокъ сѣверозападнаго берега озера, принесенный льдомъ и сложенный на подошвѣ этой горы.

Съ природой о. Коневца легче всего познакомиться по дорогамъ, проложеннымъ отъ обители къ рыбачьимъ пристанямъ, кругомъ почти всего острова. Но замѣтимъ напередъ, что островъ прилегаетъ къ западному берегу Ладожскаго озера своей югозападной стороною, отстоитъ отъ него въ 4 верстахъ и составляетъ проливъ противъ прибрежныхъ деревень Верницы и Ряски Пюхаярвскаго прихода и близъ тамошняго залива Чертовой лахты, который служитъ единственной безопасной пристанью для озерныхъ судовъ на западѣ озера. На берегу этого залива, въ Чертолахтинской деревнѣ принадлежитъ обители 50 саж. земли, отмежеванной при Иг. Георгіѣ въ 1834 г. для устройства здѣсь монастырской пристани. Самый островъ имѣетъ видъ продолговатой излучины, простирающейся въ озеро отъ ЮЗ. къ СВ., длиною на 5 верстъ, шириною, на югозападной сторонѣ, составляющей проливъ, около 3 верстъ, въ окружности 11 в. Эта излучина соотвѣтствуетъ высо-

тамъ острова, идущимъ вдоль западной стороны его отъ юга къ сѣверовостоку: Святой горѣ, самой большой высотѣ, въ 5 саж., и отдѣльному ея продолженію—Змѣиной горѣ, названной такъ по извилистому виду ея вершины. Но какъ окрестная часть берега Ладожскаго озера отъ устья р. Влоги до устья р. Вуоксы песчаная и вмѣстѣ неполненная валунами, то и Коневецъ содержитъ ту же самую почву. По крайней мѣрѣ югозападный берегъ острова, гдѣ песчаная коса Стрѣлка ограничиваетъ монастырскую пристань, песчаный; сѣверозападный, гдѣ гряда валуновъ содержитъ камни великаны: Конь-камень, а выше Горбунъ-камень, каменистый; сѣверовосточный, исполненный также валунами, довольно низменный, болотистый; юговосточный глинистый. Камни эти состоятъ частію изъ мелкозернистаго темносѣраго гранита, частію изъ блестящаго, сѣраго слюдянаго сланца; они уменьшаются до величины яйца, весьма разсѣяны въ желтоватой глинѣ и встрѣчаются въ ней свалеными вмѣстѣ.

По множеству камней, разсѣянныхъ въ глинистой почвѣ, здѣшнія пашни воздѣлываются съ большимъ трудомъ. Мелкіе камни пеки принуждены собирать нѣсколько лѣтъ сряду; отъ крупныхъ они избавляются только подкапываніемъ и

большимъ углубленіемъ ихъ въ землю. Хотя они расчищаютъ ежегодно новыя пашни и много унавоживаютъ старыя, но на глинистой своей почвѣ могутъ сѣять только Вазовскую кустовую рожъ, Арабскій черный овесъ; ячмень же, который часто недозрѣваетъ, считаютъ безнадежнымъ. Судя по 1848 г., здѣсь 7 кулей посѣянной ржи приносятъ 70 кулей ржи, 18 кулей овса даютъ 144 к. овса; разность урожая отъ погоды на вновь вспаханной почвѣ незначительна: однимъ лѣтомъ $1^1/_2$ куля ржи даютъ $18^1/_2$ к., другимъ 22 к. По тому же обилію камней въ почвѣ, здѣсь нѣтъ и настоящихъ сѣнокосовъ. Здѣшнюю траву, жесткую и сухую, нельзя косить иначе, какъ короткой косою, и потому луга большею частію служатъ выгонами. Но возращенію лѣса эти камни не препятствуютъ: здѣшняя почва имъ обилуетъ. На песчаной почвѣ противъ монастырской пристани видимъ кусты малорослой и тощей сосны, вмѣстѣ съ ивнякомъ, которые не рѣдко закидываетъ песокъ; но около Змѣиной горы сосна достигаетъ до трехъ четвертей аршина толщины въ отрубѣ дерева. Ель разсѣляется здѣсь на низменной глинистой почвѣ, съ малымъ количествомъ березы, которую сопровождаютъ также одинокія осины и рябины. Дрягильники, скворцы, ястребы, орлы — изъ птицъ; бѣлки, за-

яцы и лисицы — изъ звѣрей только и живутъ въ этихъ лѣсахъ.

Иноки ловятъ рыбу почти противъ всѣхъ береговъ острова и содержатъ вездѣ пристани для рыбаковъ, извѣстныя подъ собственными именами. Со вскрытіемъ водъ у береговъ острова появляется преимущественно щука; вначалѣ мая, окунь и ряпушка; около Петрова дня и позднѣе, лещи, большой сигъ и лосось, ихъ ловятъ на крючки со вдѣтою ряпушкою; а въ ноябрѣ появляется опять сигъ. На югозападной сторонѣ острова у песчанаго мыса Стрѣлки, противъ монастырской пристани, и лѣвѣе у Владычней лахты иноки закидываютъ обыкновенно неводъ для небольшаго сига и ряпушки, которыя все лѣто употребляются въ пищу свѣжими. На юговосточной сторонѣ острова: противъ пристани Чаяшника, близъ о. Журавля, гдѣ самыя обильныя ловли рыбы, нѣсколько выше у мыса Ольховки, гдѣ прежде ловили лосось, привязывая одинъ конецъ тетивы съ крючками за подрубленную ольху, а другой относя въ озеро, пока оно не перестало заливать эти деревья, и у мыса Родушки рыбаки замѣняютъ неводъ малымъ неводомъ или воротницею, по множеству кампей. На сѣверовосточной сторонѣ у мысовъ Бѣлаго носа и Вархауса, самаго сѣвернаго мыса, при-

брежные рыбаки, которые платятъ обители рыбою за употребленіе пристани, ловятъ лоховъ крючками. Всей рыбы обитель вылавливаетъ до 850 пудовъ въ годъ, но большую часть ея солитъ въ запасъ и употребляетъ зимою.

Обозрѣвая такимъ образомъ Коневскій монастырь и островъ, путникъ видитъ все поприще духовнаго труда здѣшнихъ иноковъ: священную службу Всеблагому, неусыпныя заботы о благолѣпіи храмовъ, свято-сохраненные памятники и преданія, достойныя благочестія, и все поприще общежительнаго труда, который впрочемъ ограничивается насущными потребностями иноковъ. Впечатлѣніе такого образа жизни усиливаютъ въ свѣтскомъ человѣкѣ ревность къ чести и добродѣтели. Слыша звонокъ отправляющагося парохода, онъ не промѣнялъ бы тишины обители на непрерывный шумъ паровой машины и плескъ волнъ на озерѣ, но ступивъ на палубу парохода, охотно становится пловцемъ: его одушевляетъ теперь желаніе видѣть другую общежительную обитель — на о. Валаамѣ.

ОСТРОВЪ ВАЛААМЪ

и

ТАМОШНІЙ МОНАСТЫРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Опекунскаго Совѣта.

1852.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 14 мая 1852 г.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Сѣверозападныя воды Ладожскаго озера .	4 — 9.
Внѣшность о. Валаама	9—17.
Никоновскій заливъ	9—13.
Часовня, во имя Св. Андрея Первозваннаго.	10—13.
Монастырскій заливъ.	13—17.
Церковь, во имя Св. Николая Чудотворца, на Крестовомъ островкѣ	15.
Очеркъ исторіи о. Валаама	17—39.
Расположеніе Валаамской обители . . .	39—51.
Спасо-Преображенскій соборъ	43—45.
Гробницы Преподобнаго Сергія и Германа.	43.
Ризница	45—48.
Число иноковъ, священнослуженіе и обычаи	50—55.
Валаамскій общій скитъ.	55—59.
Пустыни или уединенные скиты. . . .	59—60.
Св. островъ или скитъ Преп. Александра Свирскаго.	60—62.
Священнослуженіе иноковъ внѣ острова .	62—65.

Общежительные труды иноковъ . . . . 65—67.
Воды и рыбныя ловли . . . . . 67—72.
Почва . . . . . 72—79.
Поля, луга и лѣса . . . . . 79—83.
Производительность растеній. . . . . 83—
Животныя . . . . . 84—86.
Заключеніе . . . . . 86—89.

ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА НА

КРЕСТОВОМЪ ОСТРОВКѢ,

ПОСТРОЕННАЯ ВЪ 1851 Г ПО ЧЕРТЕЖУ АК А М ГОРНОСТАЕВА

ВАЛААМЪ.

Островъ Валаамъ лежитъ въ сѣверо-западной части Ладожскаго озера. Сюда отправляется пароходъ «Петръ Великій» обыкновенно по пятницамъ изъ г. Шлиссельбурга; напути онъ заходитъ къ Коневцу и оставляетъ этотъ островъ поутру. Утро на озерѣ свѣжѣе и дольше, чѣмъ на сушѣ, но влажность воздуха легко перенесть, послѣ долгаго плаванія наканунѣ. Сѣверо-западныя воды представляютъ взорамъ путника одну круглую равнину, окаймленную только съ западной стороны зеленой полосой Финляндскаго берега пли острововъ его, изъ которыхъ Хвощаной (попросту Вощаной, отстоящій въ 40 верстахъ отъ Коневца), встрѣчается замѣтнѣе другихъ. Но подъ вліяніемъ впечатлѣній Коневской обители, осмотрѣнной въ то же утро, однообразіе водъ менѣе чувствительно. Внимательный и любопытный взоръ можетъ найти развлеченіе и въ пустынной природѣ.

Когда мелкія облака на голубомъ небѣ разсѣ-ваются, какъ овечье стадо, озеро отражаетъ по-лосатые круги чернаго и синяго цвѣта, тотъ узоръ, который перенесенъ на ткани, называемыя муаре. Нельзя не любоваться его природнымъ образцомъ.

Сѣверо-западныя воды Ладожскаго озера са-мыя замѣчательныя. Поверхность ихъ волнистѣе, а среда темнѣе, нежели другихъ водъ, въ одну и ту же погоду. Это зависитъ отъ увеличенія глубины озера, которая, по увѣренію судо-ходцевъ, за 35 верстъ до Валаама достигаетъ двухъ сотъ саженей. Это единственное мѣсто, гдѣ озеро всего глубже. Соотвѣтственно глубинѣ и здѣшнія волны бываютъ всего яростнѣе и опас-нѣе для судовъ во время бури. Но лѣтомъ бури случаются очень рѣдко. Тогда вѣтры дуютъ пре-имущественно сѣверо-восточные. Здѣсь волны восходятъ сажени на двѣ и, превышая плывущую соймy, ежеминутно грозятъ гибелью этому не-большому озерному судну, а оно нерѣдко, по недо-статку людей, сдерживаетъ руль на мѣстѣ съ боль-шимъ трудомъ. При первой оплошности пловца, широкія волны, отъ сильнаго и частаго напора быстраго вѣтра, сносятъ тесъ и дрова, обыкно-венный грузъ Ладожскихъ судовъ; разбиваютъ ихъ въ дребезги и выбрасываютъ на берегъ, так-

же какъ и судно; напротивъ желѣзо, или мраморъ, при склонѣ судна къ подводной сторонѣ сами ускоряютъ его гибель своею тяжестью, и волны опрокидываютъ и погружаютъ ихъ въ одно мгновенье, на мѣстѣ. Ловкій судовщикъ, предвидя бурю, старается скорѣе обратить судно подъ вѣтеръ, замѣнить какимъ нибудь способомъ руль, если онъ повредился въ этомъ разѣ, и дойти до острова, или залива, гдѣ удобно бросить тяжелый якорь. На здѣшнихъ бурныхъ водахъ и природа подаетъ большую помощь пловцу: она обилуетъ здѣсь каменистыми островами, которые только и служатъ для причала судовъ на время бури, и кромѣ того хранитъ постоянную и самую удобную пристань на озерѣ—о. Валаамъ. Напротивъ, осенью, до глубокой зимы, свирѣпствуютъ здѣсь юго-западные вѣтры. Тогда нерѣдко наступаютъ вдругъ ранніе морозы, которые сводятъ ледъ при берегахъ озера и судно, запоздавъ по какой-либо крайней необходимой причинѣ, подвергается опасности другаго рода. Эти вѣтры разбиваютъ прибрежный ледъ и носятъ льдины съ такою силою, что онѣ подрѣзываютъ, въ полномъ смыслѣ слова, судно, попадающееся между ними. Теперь судоходцы осторожны и этого не случается; но лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ, не предвидя морозовъ,

они пускались въ озеро тѣмъ легковѣрнѣе, что оно не замерзаетъ до глубокой зимы на многихъ мѣстахъ своей поверхности.

Трудно повѣрить, чтобы Ладожское озеро замерзало поздно. Оно сильно нагрѣвается лѣтомъ только при солнечной теплотѣ, способной палить луга и нивы на берегахъ. Морозы наступаютъ на берегахъ озера съ ранней осени. Зима начинается здѣсь ранѣе, чѣмъ внутри земель: не рѣдко видятъ снѣгъ на берегу, тогда какъ выше зеленѣютъ еще луга. Она бываетъ и суровѣе и лежитъ дольше, почти до семи мѣсяцевъ, особенно на сѣверныхъ берегахъ. Эта разность въ прибрежномъ воздухѣ происходитъ оттого, что воды менѣе способны поглощать и удерживать солнечную теплоту, нежели сушь, и берега не столько пользуются тепломъ, находящемся по одну сторону внутри земель, сколько умѣряются холодомъ озера, лежащаго по другую. По въ-самомъ-дѣлѣ случается, что прибрежные жители нерѣдко пасутъ скотъ на островахъ, тогда какъ на берегахъ озера сушь и воды покрыты уже снѣгомъ. Заливы и устья рѣкъ замерзаютъ всегда ранѣе самаго озера, и пловучій ледъ скопляется, оскаляя края льдинъ, ранѣе у береговъ, между островами, чѣмъ на срединѣ озера, гдѣ въ послѣд-

ствіи сиѣгъ оказывается глубже. Во время установленія льда сообщеніе между Валаамомъ и прибрежнымъ г. Сердоболемъ прекращается болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, и Валаамская обитель только въ половинѣ января можетъ расчищать дорогу для проѣзда на саняхъ въ г. Сердоболь. Кромѣ этого, по словамъ прибрежныхъ рыболововъ, извѣстно, что юго-западная часть озера не замерзаетъ иной годъ до февраля и марта мѣсяцевъ, а юго-восточная остается раскрытою всю зиму, такъ что въ сильные морозы здѣсь видятъ исходящіе водяные пары. Это позднее замерзаніе озера объясняютъ долгимъ остываніемъ его глубокихъ и пространныхъ водъ. Но есть много поводовъ отвергать эту причину. Довольно сказать, что озеро не можетъ поглощать значительной теплоты, послѣ девяти холодныхъ мѣсяцовъ во время трехъ теплыхъ; и какъ стоячія воды нагрѣваются болѣе и замерзаютъ ранѣе текущихъ, такъ и послѣднія имѣютъ эти свойства въ разной степени, не по содержанію большей глубины и пространства, но по большей быстротѣ ихъ теченія. Справедливѣе думать, раннему замерзанію озера препятствуютъ вѣтры, возмущающіе поверхность воды, или потоки въ глубь озера. Покрайней мѣрѣ извѣстно, что юго-западные вѣтры дуютъ все время осени

и зимы; приносятъ теплоту иноземнаго воздуха; разрушаютъ нѣсколько разъ прибрежный ледъ и даже срываютъ ледяной кровъ среди озера. Къ тому же Ладожскія воды не измѣняютъ своей значительной степени холода, при позднемъ замерзаніи. Толстый и твердый ледъ ихъ продолжаетъ таять иногда до Троицына дня. На памяти Валаамскихъ иноковъ, казенный пароходъ «Ладога», оставляя о. Валаамъ въ этотъ день, 14 Мая 1844 года, едва пробился черезъ ледъ, скопившійся около острова. Отъ поздняго таянія озера и на берегахъ его наступаетъ поздно настоящая весна. Холодные вѣтры съ озера долго не перестаютъ причинять ночные заморозы, особенно на болотистыхъ или малонаселенныхъ берегахъ; задерживаютъ оживленіе растеній и губятъ иногда обильный цвѣтъ—всю надежду земледѣльца. До какой степени прибрежныя земли подвергаются рѣзкимъ перемѣнамъ холода отъ сосѣдства озера, въ такой степени эти земли поглощаютъ тепло и свѣтъ тамъ, гдѣ болѣе вырублены лѣса, осушены болота и находятся вообще пустыя, твердыя пространства. На такихъ берегахъ, при всей краткости лѣта, рожь созрѣваетъ недѣль въ шесть. Здоровымъ же воздухомъ отличаются только сухіе и лѣсистые берега.

За то Валаамъ придаетъ всю занимательность Ладожскому озеру. Онъ появляется дымчатой полосою на краю безбрежныхъ водъ, блистающихъ солнцемъ. Бывалый путникъ, усмотрѣвъ ее, равнодушно проговариваетъ: «вотъ и Валаамъ»; а небывалые,—съ вѣстью этой, думая увидѣть главы церквей тамошняго монастыря, тщетно собираются толпою на передовомъ краю парохода. Изъ той полосы становится потомъ темный, лѣсистый островъ. Передъ нимъ, будто изъ воды, выходитъ островокъ Мигорки, который издали кажется въ видѣ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній; а встрѣчаясь справа парохода, представляетъ гранитную глыбу, поросшую мхомъ и не многими сосновыми кустами. Вслѣдъ за этимъ островкомъ, и прародитель его, о. Валаамъ, обнаруживаетъ каменный берегъ, покрытый хвойнымъ лѣсомъ.

Этотъ югозападный берегъ Валаама содержитъ перерывъ, въ видѣ воротъ, и круглый, пространный водоемъ, на подобіе двора. Пароходъ устремляется въ перерывъ, когда можетъ доставить удовольствіе путникамъ видами здѣшней природы; иначе—онъ идетъ слѣва острова. Но кому случилось быть на этомъ водоемѣ, тотъ сохранятъ на всю жизнь первое пріятное впечатлѣніе Валаама. Здѣсь глубокая тишина, воздухъ

насыщенъ запахомъ зелени, воды гладки; среди водъ, подъ вліяніемъ сіяющаго солнца, играетъ рыба; а въ тѣни береговъ, между судами, безстрашно плещутся утки. Кого не поразитъ этотъ внезапный видъ тихихъ водъ, послѣ шумной и пустынной равнины озера? На мысѣ праваго берега возвышается крестъ, подъ красивымъ круглымъ навѣсомъ, съ фонаремъ вверху, указывающій гавань. Прямо, у высокаго лѣсистаго берега, гальёты, соймы и другія озерныя суда, укрывшіяся отъ бурнаго вѣтра, выжидаютъ попутнаго. На подошвѣ того же берега, разсѣянныя пустыя избы занимаютъ временно рыбаки, приплывающіе осенью, съ разныхъ береговъ озера, ловить рыбу вокругъ острова, въ помощь инокамъ. Въ двуэтажномъ домикѣ, стоящемъ лѣвѣе этихъ избъ на вершинѣ берега, межъ темныхъ елей, пристаютъ сами иноки и изготовляютъ рыбу въ прокъ; а поодаль возвышается остроглавая часовня, въ которой рыболовы непремѣнно начинаютъ и оканчиваютъ свой трудъ молитвою. Часовня эта во имя Св. Андрея Первозваннаго. По сказанію перваго Русскаго лѣтописца Нестора, Св. Апостолъ, проповѣдуя Евангеліе между Славянами, занимавшими тогда значительную часть нынѣшней Европейской Россіи, былъ не только въ Кіевѣ, но и въ Новго-

родѣ; по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, и за 60 верстъ ниже пор. Волхову въ Грузинѣ * (Ядро Россійской исторіи, соч. Хилкова. Москва. 1784 г. ст. 62), а по мѣстному преданію, доходилъ въ лодьѣ до Валаама и благословилъ островъ каменнымъ крестомъ (Валаамская рукопись: Оповѣдь ст. 12. Матеріалы для Статистики Рос. Имп. Спб. 1841 г. ч. 2 ст. 59). Согласно этимъ преданіямъ изстари находится здѣсь часовня. Эту прелестную, природную пристань для рыбаковъ и судоходцевъ, иноки называютъ Никоновой. Но полагаютъ, ее должно называть Никовой, отъ греческаго слова: *ника*–побѣда. Нерѣдко въ бурю на озерѣ они видятъ отсюда, какъ ловцы, переступая высокія волны, то спускаются со всѣми мачтами судна вглубь, то опять выходятъ сверхъ волны, и избѣжавъ роковаго удара, при входѣ въ эту пристань, долго и долго крестятся и торжествуютъ побѣду надъ волнами.

Никоновая пристань составляетъ на острову верхній конецъ южнаго залива, того же имени. Съ этой пристани пароходъ сворачиваетъ на-

* Село это на правомъ берегу р. Волхова; оно было монастырской вотчиной и подарено въ 1705 г. Кн. А. Д. Меншикову, а въ 1796 г. Графу А. А. Аракчееву. Въ немъ главная церковь во имя Св. Андрея Первозваннаго.

лѣво и проходитъ по заливу между островками, лежащими другъ за другомъ съ лѣвой стороны залива: Ягоднымъ (Морьинымъ), двумя меньшими, безъимянными и длиннымъ Монашескимъ (Сурнистанъ), а съ правой, Пейбевскимъ островомъ, который называютъ такъ по бывшему у него пристанищу рыбаковъ изъ д. Пейбы. Эти островки въ старомъ планѣ о. Валаама означены подъ именемъ Русскихъ скалъ. Сзади Пейбевскаго острова находится малая Никоновая пристань, самая удобная и безопасная на всемъ острову, въ которую суда могутъ входить съ двухъ сторонъ Монашескаго островка и гдѣ онѣ могутъ стоять во время сильной бури безъ якоря, на одной веревкѣ. Всѣ островки съ внутренней стороны, гдѣ они прилегаютъ одни къ другимъ, особенно низкіе, имѣютъ обнаженную, гладкую, бѣловатую поверхность и отлогіе берега, а высокіе, поверхность холмистую, дикаго цвѣта, поросшую соснякомъ, который чѣмъ выше на островкѣ, тѣмъ гуще и рослѣе. Напротивъ со стороны озера, или только со стороны доступной упору его волнъ и вѣтровъ, берега высокихъ островковъ снизу темнобурые, отвѣсные, разбитые прямыми, перекрестными трещинами, которыя ниже къ уровню воды, ихъ

размывающей; вверху, крутые, ржавые, которыхъ плоскія вершины разсыпаются въ почву и зелѣютъ мхомъ и лѣсомъ. Трудно понять съ перваго взгляда это разнообразіе каменныхъ островковъ, тѣмъ болѣе оно увлекаетъ взоръ, и небывалый путникъ ропщетъ на быстроту парохода и жалѣетъ, что при всѣхъ способахъ не вдалъ прежде столь дикой природы. Изъ Никоноваго залива пароходъ выходитъ снова въ озеро, сворачиваетъ вправо и несется рядомъ съ Валаамомъ. На этомъ пути онъ минуетъ два другихъ залива въ островѣ: Московскій и Скитскій, которые образуютъ тѣже каменные, лѣсистые островки, понижающіеся отраслями отъ восточной сплошной стороны острова къ западу въ озеро. Эти отрасли, какъ замѣтно, возвышаются болѣе и болѣе отъ юга къ сѣверу, и почти каждый ихъ островокъ имѣетъ высокій берегъ на сѣверозападной сторонѣ; оттого и продольная поверхность Валаама, если глядѣть на нее издали, со стороны г. Сердоболя, кажется волнообразною.

Съ озера пароходъ сворачиваетъ въ четвертый заливъ, называемый Монастырскимъ. Въ устьѣ этого залива правый берегъ темнобурый, отвѣсный, съ перекрестными трещинами и квадратными впадинами, подошву его облегаютъ

груды четырехграннаго камня—значитъ, онъ обрушился въ недавнее время; и отлогій, покрытый густымъ, болѣе и болѣе возвышающимся лѣсомъ. Но всего любопытнѣе самое устье этого залива. Оно раздѣлено вдоль отраслью каменистыхъ островковъ, которые противополагаютъ озеру главныя вершины и отвѣсные берега, заливу отлогости, становятся въ томъ же направленіи меньше, ниже, площе, сплошнѣе и такъ продолжаются подъ водою. Вершины этихъ островковъ обросли рѣдкими сосновыми деревьями, отлогости кустами сосенъ, мхами и лишаями, а подошвы, тоже треснувшія, выглажены, какъ будто искуственнымъ способомъ. Все доказываетъ, что эта небольшая отрасль однообразныхъ островковъ не что иное, какъ поверхность одной и той же цѣльной скалы, скрывающейся подъ водою. Судя по ней, должно предполагать, что и отрасли островковъ большей величины, на юго-западѣ острова, между которыми лежатъ заливы, происходятъ также отъ цѣльныхъ скалъ, рапѣе выдавшихся; равно и сплошные берега заливовъ, какъ и Монастырскаго залива, были такими же отраслями островковъ, пока не покрылись почвой, не сровнялись и не соединились, и наконецъ весь Валаамъ, составляющій область этихъ

отраслей островковъ, есть одна и та же огромная скала Ладожскаго озера. Но плоскіе островки тянутся среди всего Монастырскаго залива, довольно стѣсняютъ его ширину и наполняютъ подводными скалами или лудами (какъ ихъ называютъ Корелы, измѣняя Финское слово *лото*-камень). Пароходъ, стараясь обходить эти луды, идетъ въ заливѣ извилистымъ путемъ. Съ лѣвой стороны устья залива отдѣльный островокъ, называемый Крестовымъ, представляетъ уединенную церковь, и богомольцы, въ нетерпѣніи видѣть монастырь, начинаютъ успокоиваться. До постройки этой церкви, на островкѣ стояла каменная часовня, во имя Св. Николая Чудотворца, освященная въ 1809 г. при Нг. Иннокентіѣ. Она была низка, четырехсторонняя съ такою же главою, выбѣлена и содержала большую лампаду, отчего и видѣлась пловцу въ темную пору. Нынѣшняя церковь, того же имени, строется, напротивъ, очень изящно, въ новомъ Византійско-Русскомъ вкусѣ, по чертежу Ак. А. М. Горностаева, иждивеніемъ купца П. П. Солодовникова. Она многосторонняя, съ конической главой и несравненно выше прежней часовни. Къ этой церкви примыкаетъ домикъ находящагося при ней инока. Съ подошвы островка склоняется къ заливу одн-

покая сосна, которая, не смотря, что корень вышелъ изъ каменьевъ, стволъ корявый, вершина полуобломленная, около восьмидесяти лѣтъ, по увѣренію старцевъ, встрѣчаетъ каждаго путника, плывущаго въ монастырь. Монастырскій заливъ продолжается на полторы версты. Средняя часть его нѣсколько уже прочихъ частей. Здѣсь тѣ же берега темнобураго цвѣта; но правый берегъ залива болѣе отвѣсный и гладкій снизу, плоскій и поросшій густымъ лѣсомъ сверху, а лѣвый болѣе высокій, холмистый, ржавый, рыхлый и обнаженный. И вотъ зеленѣющую вершину того же высокаго берега вѣнчаетъ бѣлокаменное зданіе Валаамской обители. Кто не перекрестится усердно, замѣтивъ обитель не на открытой равнинѣ, какъ большая часть монастырей въ средней Россіи, но средь буриыхъ Ладожскихъ водъ, въ ущельи уединеннаго острова, на вершинѣ высокой каменной скалы? Немыслемая мысль, — какую чистую, высокую Вѣру должно питать въ здѣшнемъ уединеніи и какіе тяжкіе труды должно несть, чтобы превозмогать здѣшнія неудобства жизни, заставляетъ всякаго благоговѣть передъ Валаамской обителью. Но сохраненіе здѣшней церкви съ незапамятныхъ временъ усиливаетъ это благоговѣніе. Обратимся къ исторіи Валаама.

Островъ Валаамъ не имѣетъ до сихъ поръ полнаго естественнаго развитія, въ какомъ находимъ окружающія его мѣста; за тысячу лѣтъ назадъ, онъ выдавался изъ воды несравненно менѣе, нежели теперь; скалы его были тверже, почва тоньше, растенія безплоднѣе, и этотъ каменистый островъ среди озера, ни по какому естественному поводу, не могъ быть заселенъ тогда частнымъ человѣкомъ. Но онъ былъ уже извѣстенъ пловцамъ, и могъ служить удобной пристанью во время противныхъ вѣтровъ. Его названіе одно изъ общихъ именъ, которыми туземцы и теперь называютъ малоизвѣстные, незаселенные островки. Валаамъ, по туземному выговору—ва́ламо, происходитъ отъ финскаго слова: *варама*–горная земля, въ которомъ одна часть *вара*–гора замѣнилась въ послѣдствіи Шведскимъ словомъ того же значенія *валлъ*–высота, а другая *ма* измѣнилась въ *мо*, окончаніе нынѣ почти не употребительное. Эти обѣ части слова древнія; ихъ сохраняютъ немногія изъ названій здѣшнихъ урочищъ: Яким-вара, Валкія-вара, Суостамо; а слово *валлъ*—новое, оно слышно въ названіи недавняго сосѣдняго города Сердоболя или Сордовалле (разрушенныя высоты). Неудивительно, что уединенный и почти недоступный о. Валаамъ, былъ заселенъ

только въ концѣ X вѣка, иноками—Греками, готовыми на всѣ лишенія и пожертвованія, для распространенія Христіанства между Корелами на сѣверѣ Новгородской области.

Что дѣйствительно существовала тогда иноческая обитель на Валаамѣ, въ этомъ удостовѣряетъ мѣстное преданіе (Валаамская рукопись Опо вѣдь). Называя основателемъ здѣшней обители Сергія, по происхожденію Грека, привлеченнаго на сѣверъ усердіемъ къ распространенію здѣсь Христіанства, оно свидѣтельствуетъ, что отъ этого иноka принялъ крещеніе Германъ, называвшійся въ язычествѣ Мунгомъ, и что оба первобытные поселенцы соблюдали здѣсь всѣ правила духовной жизни, принимали искавшихъ спасенія души и построили церковь. Существованіе обители въ это время подтверждаетъ и постороннее преданіе. Въ рукописномъ житіи Св. Аврамія Ростовскаго сказано, что онъ приходилъ на Валаамъ въ 960 г., перекрещенъ былъ изъ язычниковъ тамошнимъ Игуменомъ Θеогностомъ и самъ основалъ въ 990 г. при Ростовскомъ озерѣ, на мѣстѣ сокрушеннаго идола Велеса, Богоявленскую обитель. Не противорѣчитъ тому и лѣтопись Нестора, говоря, что Валаамскій монастырь устроенъ при первомъ Епископѣ Новгородскомъ Іоакимѣ Корсунянинѣ,

поставленномъ Митрополитомъ Михаиломъ, прибывшимъ изъ Кіева съ 6-ю Епископами въ 989 г. для крещенія Новгородцевъ (по Кёнигсбергскому списку, ст. 90, по Никоновскому, ст. 100—112). Мѣстное преданіе продолжаетъ, что когда сосѣднія войны Шведовъ въ Карелін грозили разореніемъ Валаамской обители, ученики обрѣли мощи Преподобныхъ Сергія и Германа и для сохраненія перевезли въ Новгородъ. Въ 1163 г., по свидѣтельству Софійскаго лѣтописца (С. п. б. 1795 г. Т. I ст. 165), Преподобные причтены къ лику Святыхъ. По утишеніи войны въ Карелін и по исправленіи обители мощи возвращены были на островъ въ 1180 г. (Псалтирь. Кіевъ. 1822 г. ст. 315). Съ этихъ поръ они лежатъ въ обители подъ спудомъ. Въ 1192 г. Валаамскій Игуменъ Мартиріи построилъ на острову каменную церковь, во имя Всемилостиваго Спаса.

Но нѣкоторые писатели полагаютъ основаніе Валаамской обители гораздо позднѣе. Одни (Церковн. Истор. Митр. Платона. 1850 г. Москва. Т. I ст. 57) относятъ его ко времени княженія Владиміра. Другіе (Исторія Іерархіи. 1811 г. Москва. Т. III ст. 480) сомнѣваются даже въ этой древности обители и приписываютъ ея начало половинѣ XIV вѣка. Основываясь на Шведскихъ исто-

рикахъ Локценѣ (Joh. Loccenii Hist. Sve Canae. 1676. Francfort Lips. pag. 104), и Далинѣ (Шведскаго Госуд. Ист. 1805 г. С.п.б. Т. I ст. 614) утверждающихъ, что западный берегъ Ладожскаго озера, къ которому прилегаетъ о. Валаамъ, уступленъ въ первый разъ Россіи въ 1348 г. по договору, заключенному между Новгородцами съ Шведскимъ и Норвежскимъ Королемъ Магнусомъ II, они говорятъ, что до этого договора, островъ принадлежалъ Шведамъ, и потому не могло быть на немъ Русскаго поселенія. Но изъ Орѣховскаго договора Новгородцевъ съ Шведскимъ Королемъ Магнусомъ Смекомъ 10 Сентября 1323 г. (переведеннаго съ подлинника въ Журналѣ Мин. Внут. Дѣлъ 1837 г. ч. 23 ст. 325—363) видно, что Шведамъ уступлены были земли, лежавшія на правой сторонѣ р. Сестры, которыя, какъ и остальныя земли въ Корелии, до того времени принадлежали Русскимъ. Вся Корелія была подъ властію Россіи еще во время Великаго Князя Владиміра, по свидѣтельству иноземца Сноррона Стурлесона. Исторія Іерархіи подтверждаетъ притомъ свое мнѣніе надписью, видимой на доскахъ древней рукописной книги, хранящейся въ Новгородской Софійской библіотекѣ, именно на правилахъ Святыхъ отецъ и семи соборовъ (въ 4 лист.

подъ № 39), что «въ 1329 году началъ жить на Валаамѣ старецъ Сергій» и другими записками, въ которыхъ прибавлено, что «въ сожительство къ нему пришелъ въ 1393 году Германъ». Но эта надпись новаго почерка, и она не можетъ относиться къ Преподобному, потому что Германъ, прибывшій, по словамъ надписи, черезъ 64 года къ старцу Сергію, не могъ застать его въ живыхъ. Излишне было бы опровергать эти поводы къ отнесенію начала Валаамской обители къ XIV вѣку, но ихъ находимъ въ большей части сочиненій, упоминающихъ объ обители.

О состояніи Валаамской обители въ XIII и почти до второй половины XIV вѣка никакого преданія неизвѣстно. Трудно было существовать ей во время дѣятельнаго обращенія къ Христіанству со стороны Западной Церкви жителей береговъ Финскаго залива и Ладожскаго озера. Еще въ 1666 г. Папа Александръ III послалъ грамоту къ Королямъ Шведскому, Датскому и Норвежскому о крещеніи язычниковъ въ Эстляндіи и Ингерманландіи, Чуди, Кореловъ, Лапландцевъ и Ижоръ. Но современи повелѣнія В. К. Ярослава Всеволодовича въ 1227 г. крестить окрестныхъ Кареловъ (П. С. Р. Л. Т. I. С.п.б. 1846 г. с. 191), Папа Григоріи IX, грамотою 1230 г. къ Архіепископу

Упсальскому и Линчёпингскому, запретилъ сюда ввозить оружіе, желѣзо и деревянныя издѣлія, а Папа Александръ II, грамотою 1255 г. къ Архіепископу Рижскому Альберту II, назначилъ Епископа въ Ватландію, Ингрію и Корелію (Изслѣд. А. Х. Лерберга, перев. Д. Языкова. Спб. 1819 г. с. 88). Едва ли существованіе обители не прервалось въ это время по случаю безпрестанныхъ войнъ. Шведамъ удалось тогда овладѣть западнымъ берегомъ Ладожскаго озера, и они заложили въ 1279 г., по словамъ Далина, крѣпость въ Корелiи для своихъ скопищъ и наблюденій за Новгородомъ. Изъ этого начались новыя войны между Новгородцами и Шведами. Войны продолжались здѣсь, когда купцы Нѣмецкіе и Готландскіе изъ Ганзейскихъ городовъ, торгуя съ Новгородомъ, доставали слюду и желѣзо, рубили и сплавляли лѣсъ въ Обонежской пятинѣ. Тогда рыцари Ливонскаго ордена и Шведы усиливались завоевать берега озера, богатые естественными произведеніями. Но если справедливо мѣстное преданіе (Оповѣди), что на Валаамѣ было идолопоклонничество, почему и найдены здѣсь, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, нѣкоторыя части кумировъ, то въ это время укрывались на немъ, конечно, тѣ изъ Кореловъ язычниковъ, кото-

рыхъ воинственные Шведы старались, особенно тогда, обратить въ Католическую вѣру.

Около XV столѣтія Россія начинала уже оправляться послѣ разоренія нашествіемъ Татаръ. Пользуясь ея внутренней тишиною, Русскіе иноки проходили по берегамъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, рѣкамъ Свири, Вытегры, Ковжи и далѣе на самый сѣверъ Россіи, чтобы крестить языческія Корельскія селенія, строить церкви и учреждать монастыри. Они будто оканчивали на сѣверѣ святое дѣло, успѣшно зачатое Греками на югѣ Россіи въ X столѣтіи и развитое ихъ преемниками въ Средней Россіи въ слѣдующихъ вѣкахъ. При ревнителѣ духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія, пришедшемъ изъ Царьграда и бывшемъ Митрополитомъ всей Россіи въ теченіи 18 лѣтъ, Кипріанѣ, Валаамскіе иноки просвѣщали Кореловъ, обселявшихъ Ладожское озеро (Ист. Іерарх. Т. II с. XI и Ист. Русск. Церк. Спб. 1838 г. с. 83). Потомъ обитель ихъ значительно умножилась и служила сама по себѣ разсадникомъ иноческихъ братствъ, на пользу просвѣщенія сѣвера Православною вѣрою. Инокъ Арсеній, возвратясь съ Аѳонской горы пожилъ на Валаамѣ нѣкоторое время и, удалясь на Коневецъ, другой островъ Ладожскаго озера, учредилъ на

немъ обитель. Инокъ Савватій, постриженный въ Бѣлоозерской обители, приходилъ на Валаамъ въ 1436 г., вскорѣ поселился на самомъ сѣверѣ Россіи въ Бѣломорьѣ, на островѣ Соловецкомъ, гдѣ по кончинѣ его въ 1462 г. устроилась обитель. Александръ Свирскій, постриженный здѣсь въ юношескомъ возрастѣ Игуменомъ Іоакимомъ въ 1474 г., спасался въ пустынѣ на Святомъ острову и, возвратясь на берега р. Свири, основалъ обитель на родинѣ своей. При немъ было до 600 братій на Валаамѣ. Безъ сомнѣнія, они жили собственными промыслами, и нѣкоторые изъ нихъ отправлялись по временамъ въ Новгородъ, Москву и другіе большіе города, за сборомъ на устройство обители и украшеніе церквей.

Съ этого времени и Корелы западнаго берега Ладожскаго озера, на которомъ подъ вліяніемъ Шведовъ утвердилось Римско-католическое вѣроисповѣданіе, начали было обращаться въ Православную вѣру. Тамошнее преданіе о Восточномъ Православіи, отрадное для Русскаго, остатки надписей на могильныхъ камняхъ и слѣды бывшихъ церковныхъ строеній доказываютъ, что въ Сѣверо-Кексгольмской губерніи (нынѣшней Кареліи) находились тогда часовни отъ Православныхъ монастырей. До сихъ поръ такія часовни въ Россіи,

по исполненію требъ мѣстныхъ жителей, содѣйствуютъ приходскимъ церквамъ, а въ хозяйственномъ отношеніи зависятъ отъ монастырей. Въ XVI столѣтіи, какъ видно изъ обыскныхъ книгъ 1571 и 1573 г. и старыхъ изгонныхъ XVII вѣка, въ Вотской пятинѣ на берегахъ Ладожскаго озера отстояли отъ Новгорода въ это время слѣдующіе Русскіе приходы: Орѣшковскій (нынѣ Шлиссельбургскій), въ 180 верст., Ивановскій Койвужскій, въ 240 в., Васильевскій Ровдужскій, въ 250 в., Михайловскій Саккульскій, въ 270 в., Городенскій (нынѣ Кексгольмскій), въ 300 в., Богородицкій Кирьяжскій, въ 330 в., Никольскій Сордовальскій, въ 400 в., Ильинскій Иломанскій, въ 550 в., Воскресенскій Салминскій, въ 800 в. (Историч. разгов. о древностяхъ Великаго Новгорода. 1808 г. Москва. с. 96). Но изъ оброчной книги, составленной приказомъ Шведскаго Правительства въ 1589, видно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приходовъ, на разстояніи отъ г. Кексгольма къ сѣверу до д. Нурмесъ при озерѣ Піелисъярви, или за Иломанецъ, въ урочищахъ, гдѣ многіе поселяне прозывались Русскими именами, стояли Православныя часовни, принадлежавшія къ четыремъ монастырямъ, именно: въ приходѣ Курьёки (въ мѣстечкѣ Кронборгъ), гдѣ находится Русскій мо-

настырь на островѣ Рандасари (прибрежный островъ), какъ называютъ его туземцы, или Коневецъ, какъ называютъ его Русскіе, были часовни въ деревняхъ: Лаппилаксъ, Терво, Мигли, Тиврола, Вейсля, Саматлампи, Ухуніеми и Тюрія; въ приходѣ Сордовалле (въ г. Сердоболѣ), гдѣ монастырь на о. Валаамѣ, были часовни въ деревняхъ: Отсойсъ, Кидесъ, Суостамо, Имбилаксъ и Суоярви (Шуезеро); въ приходѣ Иломанецъ, гдѣ существовалъ монастырь на о. Кухосари (вѣроятно Кукосень-сари, находящемся нынѣ въ Либелицкомъ приходѣ), были часовни въ деревняхъ: Нелкъярви, Соанълаксъ, Тохмоярви, Либелицъ, Ліекса и Ребола (въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи) и въ приходѣ Салмисъ, гдѣ существовалъ монастырь при озерѣ Орусъярви, были такія же часовни; но большая часть ихъ зависѣла уже отъ приходскихъ церквей, такъ какъ на восточномъ берегу Ладожскаго озера изстари утвердилось Православное вѣроисповѣданіе (Маамiехенъ Юстава или Другъ земледѣлія, газета г. Куопіи. 1847 г. № 49).

Этому распространенію Православной вѣры, на сѣверо-западномъ берегу Ладожскаго озера между Корелами Католиками, и устройству часовенъ въ ихъ поселеніяхъ Валаамская обитель,

какъ ближайшая ко всему берегу, многолюдная, древняя и богатая, конечно, способствовала болѣе всѣхъ прочихъ монастырей. Православіе водворялось тѣмъ успѣшнѣе, что Корелам̀ъ были очень памятны войны, грабежи, пожары и всевозможныя бѣдствія, подъ однимъ предлогомъ обращенія въ Католическую вѣру, и что туземцы научились уже въ случаѣ опасности удаляться въ глубь Финляндіи, или въ Заонежье, почему и находимъ теперь Корелов̀ъ Православной вѣры на сѣверозападномъ берегу Ладожскаго озера болѣе за горами, болотами, въ нѣдрахъ Финляндіи, нежели на самомъ берегу, тогда какъ на восточной сторонѣ озера они живутъ повсемѣстно. Къ сожалѣнію, первые духовные труды на сѣверозападномъ берегу озера были прерваны разными обстоятельствами. Шведскій Король Густафъ I Ваза съ 1528 г. началъ вводить въ Финляндіи Лютеранскую вѣру и въ 1554 г. учредилъ Епископство въ Выборгѣ. Это совмѣстничество одно могло препятствовать распространенію часовень. Сильный моръ въ 1571 г., внутреннія междоусобныя войны, напримѣръ: Нуясота (война колотушками), истребившая по свидѣтельству лѣтописцевъ до 11000 человѣкъ и внѣшнія войны между Русскими и Шведами, особенно частыя

съ 1579 по 1617 г. (до Столбовскаго договора), опустошили Корелію. Изъ Шведской оброчной книги 1589 г. видно, что многіе приходы въ то время были разорены, особенно Курьекскій, монастыри разграблены, и осталось 2889 пустыхъ жилищъ и 395 обоброченныхъ плательщиковъ. Со времени Столбовскаго договора, когда Корелія и Ингерманландія отданы были Шведамъ, переселялись на пустыя оброчныя земли Саваки, распространившіеся съ тѣхъ поръ и въ Ингерманландіи, также Тавастландцы и Сѣверяне изъ окрестностей Улеаборга. Между 1617 и 1650 г. основаны здѣсь Лютеранскія церкви, частію, гдѣ были православные скиты: въ дд. Кидесъ, Тохмоярви и проч., частію по близости ихъ: вмѣсто д. Тюріа, въ д. Париколѣ, вмѣсто д. Ліекса, въ д. Пієлисъярви и проч. Однако договоромъ въ Кардисѣ 21 іюля 1661 г., подтвержденнымъ 22 мая 1684 г., Шведы обязались не препятствовать Православному вѣроисповѣданію въ земляхъ Ревеля, Ижоры и Корелы (Полн. Соб. Зак. Т. I. № 395 ст. 642, Т. II № 1076 ст. 619), и, не смотря на всѣ смуты и неблагопріятныя обстоятельства къ распространенію Русскихъ церквей на сѣверо-западномъ берегу озера, Православные Корелы остались и живутъ до сихъ поръ между Лютеранами

въ приходахъ: Саккульскомъ, Сордовальскомъ, составляютъ цѣлые приходы Иломанцкій и Либелицкій (около г. Куопіи) и содержатъ немногихъ Лютеранъ на сѣверо-восточномъ берегу озера въ Суостомскомъ, Суоярвскомъ и Салмпнскомъ приходахъ.

Однако со второй половины XV вѣка, когда г. Новгородъ подчиненъ былъ Приказу въ Москвѣ, Валаамская обитель, разоряемая безпрестанными войнами на берегахъ Ладожскаго озера, стала приходить въ упадокъ и не могла бы существовать на острову, еслибъ благочестивые государи не усердствовали исправлять ее каждый разъ по опустошеніи. Всѣ они, начиная съ Ц. Василія Іоанновича, щедро жаловали обитель разными пожертвованіями. Послѣ того, какъ 20 февраля 1578 г. Шведы побили на Валаамѣ 18 иноковъ старцевъ и 16 послушниковъ, что видно изъ поминанія, хранящагося въ Васильевской церкви въ г. Старой Ладогѣ (принадлежавшей тогда монастырю), въ томъ же году при Игуменѣ Никодимѣ Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ обители грамоту (18 іюня), которою освободилъ отъ пошлинъ въ волости Койвдѣ монастырскую варницу соли, пріѣзжій дворъ, мельницу, ложки и угодья, приносившія ежегоднаго оброку въ казну

27 алтынъ и 2 деньги; дозволилъ безпошлинно ходить въ Колмогоры, на Турчасово и на торговые берега моря для продажи соли, равно закупать потребные припасы, провозить ихъ въ обитель для собственнаго употребленія и ловить рыбу около острова въ Ладожскомъ озерѣ. Въ 1593 г. Царь прислалъ въ Васильевскій монастырь списокъ для помиповенія убіенныхъ на Валаамѣ въ 1581 г. 37 старцевъ и 47 послушниковъ. Грамотою Царя Ѳеодора Іоанновича, 8-го ноября 1598 г., велѣно Игумену Давиду съ братіею владѣть по прежнему вотчиною Антоніеваго монастыря (что при Дымскомъ озерѣ въ 15 в. отъ г. Тихвина), пока не назоветъ крестьянъ на Валаамъ, устроить разоренную Шведами обитель царской казной и пользоваться старинною вотчиною и угодьями по жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ. По взятіи г. Кексгольма въ 1611 г. Шведы вновь сожгли церкви, кельи, ограду и побили крестьянъ, жившихъ съ семьями на о. Валаамѣ. По Столбовскому договору они удержали за собою Ингерманландію и Корелію, съ принадлежащими къ ней Коневскимъ и Валаамскимъ островами, земли, бывшія давнимъ предметомъ ихъ притязаній. Тогда Валаамскіе иноки по необходимости оставили обитель и частію заняли

опустѣвшій Васильевскій монастырь въ г. Старой Ладогѣ (Акт. Археогр. Экспед. III ст. 131 и 150), частію разошлись по другимъ обителямъ. Колокола они отвезли въ Юрьевскій монастырь, изъ котораго впослѣдствіи эти колокола были возвращены въ 1637 г., кромѣ одного въ 40 пудъ. Литовцы, прибывъ на опустѣлый островъ въ 1642 г., истребили съ своей стороны церковныя книги, древнія лѣтописи и важныя грамоты обители. Къ довершенію всего, на Валаамѣ водворено было цѣлое поселеніе Шведовъ. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, эти поселяне начали было въ 1685 г. уничтожать гробницы Валаамскихъ Святыхъ, чтобы чрезъ это неуваженіе святыни удалить съ острова иноковъ, къ ней приверженныхъ; но почувствовавъ разслабленіе членовъ, оставили свое намѣреніе и, въ раскаяніи, устроили сами часовню надъ гробницами. Аѳанасій, первый Холмогорскій Епископъ, сопровождавшій въ 1694 г. Петра Великаго въ г. Архангельскъ, свидѣтельствуетъ, что Валаамскіе поселяне, какъ онъ видѣлъ, живутъ нѣсколькими дворами, считая островъ хлѣбороднымъ, скотоножатнымъ и обильнымъ рыбою. Строитель Шаровъ писалъ въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь 8 Августа 1735 г, что по описи Валааму, составленной въ 1715 г. Капитаномъ Кексгольмскаго

батальона Василіемъ Доможировымъ, показаны часовня, три хозяйскихъ двора и одинъ бобыльскій. И въ планѣ, снятомъ съ острова въ 1784 г., многія земли сохраняютъ имена бывшихъ поселенцевъ; такъ за монастыремъ означена земля Павла, на противоположной сторонѣ монастыря и залива, гдѣ скитъ, земли Курика и Бобыля, а на берегу верхняго края Монастырскаго залива, земля господина Рауля (Раульхерра ма).

Но въ первыхъ десяти годахъ XVIII столѣтія Петръ Великій завоевываетъ Ингерманландію и Корелію, и съ тѣхъ поръ духовная обитель на Валаамѣ, хотя начинаетъ развиваться медленно, но уже непрерывно существуетъ на острову до сего времени. Стараніемъ Архимандрита Бѣлозерскаго монастыря Иринарха, Царь возстановилъ обитель въ 1715 г., приписавъ къ ней семь гейматовъ, устроенныхъ Шведами. Бѣлозерскіе монахи, по принесеніи мощей Преп. Сергія и Германа (что и празднуется ежегодно 11 сентября), построили деревянную церковь, во имя Преображенія Господня, съ придѣлами Св. Апостолъ Іоанна Богослова и Андрея Первозваннаго, колокольню и кельи. Верхи на церкви и на придѣлахъ, вмѣсто шатровыхъ, сдѣлали съ дозволенія начальства круглые При способахъ, дарованныхъ вновь царской

милостью, обитель замѣтно исправлялась. Анна Іоанновна, указомъ 16 октября 1732 г., пожаловала сей изъ прежняго владѣнія 23 гейімата поселянъ въ Саккульскомъ приходѣ, оставивъ прочіе, розданные 68 за Графомъ Муспинымъ-Пушкинымъ, и позволила владѣть безоброчно рыбными промыслами кругомъ острова. По пожаромъ въ день Свѣтлаго Воскресенья 23 апрѣля 1754 года обитель истреблена была совершенно. Со времени объявленія штатовъ въ 1764 г. она оставлена на своемъ содержаніи и переведена изъ Новгородской епархіи въ С. Петербургскую. Хотя послѣ пожара Императрица Елисавета Петровна пожаловала восемь тысячъ рублей асс., на постройку новой деревянной церкви и обзаведеніе священной утварью ; а Екатерина II, указомъ 5 марта 1786 г. (Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. № 16233), возвела обитель въ штатъ 3-го класса, въ которомъ состоялъ Новгородскій Духовъ монастырь, обращенный тогда же въ женскій, и вмѣсто бывшихъ до тѣхъ поръ настоятелей, подъ именемъ строителей, перевела Игумена и братію , получавшихъ жалованье; но послѣдній изъ строителей Ефремъ, состоя уже Игуменомъ, все еще исправлялъ требованія богомольцевъ одинъ , съ двумя бѣлыми священниками , въ бѣдныхъ церквахъ того вре-

менп. Обитель, какъ видно изъ описей за 1767 и 1781 годы, содержала тогда слѣдующія строенія: Преображенскій соборъ съ 5-ю придѣлами, двуярусный, подъ двусклонной крышей, съ 5-ю главами; четырехъярусную колокольню; Успенскую церковь, съ придѣломъ Св. Николая Чудотворца; церковь во имя Рождества Христова, на сѣверѣ при братской трапезѣ; церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, надъ воротами обители; на югѣ—часовню, во имя Св. Пророка Иліи; на западѣ—часовню, во имя Св. Пророка Предтечи Іоанна; на сѣверозападѣ—кельи настоятеля; на прочихъ сторонахъ ограды, изъ которыхъ южная была длиною 35, восточная 16 саженъ—братскія кельи. Внѣ монастыря, на востокѣ—часовню съ колодцемъ; на сѣверѣ—часовню, во имя Св. Безсребренниковъ Козьмы и Даміяна, странноприимный домъ, рабочій домъ, вѣтренную мельницу, ригу, кузницу; подъ горою обители—часовню, во имя Великомученика Георгія, гостинницу, 22 лавки съ свѣтлицами, кельи для бѣдныхъ, скотный дворъ, и прочія хозяйственныя постройки. Но все это деревянное строеніе срублено было безъ всякихъ украшеній.

Это малолюдство и бѣдность Валаамской обители побудило Преосвященнаго Митрополита Нов-

городскаго и С. Петербургскаго Гавріила искать способовъ къ приведенію ея въ прежнее благолѣпіе. Узнавъ о добродѣтеляхъ старца Назарія, жившаго въ Саровской пустыни (Тамбовской губерніи), Преосвященный вызвалъ его на Валаамъ. Старецъ Назарій, прибывъ на Валаамъ въ 1785 г., водворилъ прежде всего Саровское общежитіе, установленное по примѣру строгой Цареградской обители Св. Маркелла. Валаамскій Уставъ подтвержденъ былъ въ послѣдствіи Митрополитомъ Амвросіемъ въ 1803 г. и Митрополитомъ Михаиломъ въ 1812 г., которымъ разрѣшено въ слѣдующемъ году избирать настоятеля изъ среды братства. Потомъ Иг. Назарій началъ заботиться о внѣшнемъ устройствѣ обители, пользуясь пособіями Преосвященнаго. Уже въ 1785 году, по словамъ очевидца Ак. Озерецковскаго, здѣсь выдѣлывали кирпичь 42 человѣка Ярославцевъ, которымъ подрядчикъ платилъ по 1 р. 50 к. асс. съ тысячи, а съ монастыря бралъ по 3 рубля; пережигали известь изъ мраморнаго щебня, братаго на о. Ювецѣ, и клали изъ кирпича соборную церковь и четырехсторонникъ келій, расширенный съ каждой стороны на 62 сажени. Тогда было до 20 иноковъ; всѣ они, вмѣстѣ съ старцемъ Назаріемъ, пололи, косили и жали, а въ зимнее время точили клюковыя

ложки, четки и вырѣзывали кресты изъ кипариса; и пользуясь, кромѣ пожертвованій, рыбными ловлями, жили не только сами безъ нужды, но и помогали бѣднымъ. Хотя здѣшняя четырехдневная ярмарка, наканунѣ Петрова дня, на которую съѣзжались Олонецкіе и Тихвинскіе купцы торговать разными тканями, украшеніями для одежды и домашней посудой, въ такомъ множествѣ, что за недостаткомъ мѣста народъ принужденъ былъ проводить ночь на судахъ, приносила обители за лавки, числомъ до 80, и за молебствія до 300 р. асс., но, по благопамѣренному ходатайству Иг. Назарія, ярмарка была переведена 18-го декабря 1786 г. въ г. Сердоболь (П. С. З. Р. П. № 16474), гдѣ существуетъ и теперь въ одно время. До сихъ поръ на Валаамѣ бываетъ наибольшее стеченіе простаго народа, по прежнему, около Петрова дня. Судя по Валаамскому плану, составленному въ 1784 году Ревизіоннымъ землемѣромъ Эриксомъ Коллоніусомъ и свѣренному въ 1798 г. Морицомъ Фонъ Дрейеромъ, строенія, огороды и дороги занимали въ то время 15 дес. 758½ кв. саж., пашни 7 д. 345 к. с. сѣнокосные луга 114 д. 1081½ к. с., лѣсъ 669 д. 2220½ к. с., болота и неудобныя земли 813 д. 1698½ к. с., каменистыя земли 1953 д. 1952 кв. с.; всей земли считалось 3054 д.

255³/₁ кв. саж. О благочестіи иноковъ того времени свидѣтельствуетъ скитъ, основанный старцемъ Назарісмъ, для искавшихъ строгаго поста и постоянной молитвы; равно многія кельи, построенныя самими иноками въ лѣсахъ, для совершеннаго уединенія и безмолвія. Самъ Иг. Назаріи, изнеможенный бременемъ лѣтъ и трудовъ, жилъ въ уединенной кельѣ не задолго, передъ увольненіемъ на покоій и отъѣздомъ въ Саровскую пустынь въ 1805 году. Іеросхимонахъ Никонъ, около 20 лѣтъ сряду, бывши 73-хъ лѣтъ, жилъ въ пещерѣ, собственноручно изсѣченной въ утесѣ на берегу озера. Инокъ Никита, бывъ 60-ти лѣтъ, скитался въ пещерѣ въ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ монастыря, и до 1815 г. считалось 6 отшельниковъ на острову.

Со времени Игуменства Назарія началъ распространяться и штатъ обители. Императоръ Павелъ I, указомъ Святѣйшему Сѵноду 1 мая 1793 г., увеличилъ число братіи пятью больничными иноками и кромѣ того, указомъ 26 августа 1799 г., пожаловалъ рыбныя ловли на р. Кюмени, при паденіи ея въ Финскій заливъ, близъ Роченсальма. Эти ловли, по трудностямъ заочнаго ихъ управленія, отданы въ 1848 г., съ разрѣшенія начальства, въ аренду мѣстному управленію, и доставляютъ ежегодно 4715 р. с. Импера-

торъ Александръ I-й, указомъ 20 октября 1800г., умножилъ братію до тридцати человѣкъ, то есть 10-тью іеромонахами съ іеродіаконами и 20 монахами. Въ 1811 г. штатъ обители увеличенъ былъ до пятидесяти человѣкъ; а указомъ 22 ноября 1819 года прибавлено къ больничнымъ двадцать человѣкъ, и наконецъ, въ 1821 году Императоръ причислилъ Валаамскую обитель къ первокласснымъ монастырямъ, съ правомъ управляться Игуменомъ, вмѣсто Архимандрита, и соблюдать общежитіе.

Всѣ эти свѣденія, извлеченныя изъ отрывочныхъ мѣстныхъ преданій и разныхъ посторонихъ сочиненій, конечно, еще не составляютъ полной исторіи о. Валаама: она требуетъ дальнѣйшихъ и болѣе опредѣленныхъ изысканій, но и онѣ достаточно показываютъ главныя перемѣны, которыя испытало здѣшнее духовное братство, со времени своего древняго учрежденія. Судя по этимъ перемѣнамъ, заключаемъ: Валаамская обитель, находясь въ чуждомъ краю, изнемогала за два вѣка предъ симъ единственно отъ разоренія ея внѣшними врагами Россіи. Посмотримъ теперь какъ процвѣла обитель въ мирное время.

На лѣвомъ берегу Монастырскаго залива, гдѣ особенно онъ высокъ и прерывается, что доказываетъ отчасти первобытное состояніе этого бе-

рега въ видѣ острова или горы, бѣлѣютъ двуэтажныя кельи обители. Этотъ каменистый берегъ почти отвѣсный, мѣстами обрушился и поросъ кленами. Подошву его занимали груды павшихъ камней. Много стоило труда очистить эту подошву, но иноческій трудъ непрерывенъ и усерденъ, и вотъ подгорье обители украшаютъ два сада, разведенные на мѣстѣ каменныхъ грудъ. Эти сады одинъ другаго выше. Нижній изъ нихъ исполненъ цвѣтами, верхній служитъ для плодовыхъ деревъ. Цвѣточный садъ воздѣлываетъ съ 1840 г. сѣдовласый старецъ, единственно своими руками; въ его же вѣдѣніи состоитъ и плодовый садъ, разведенный съ 1822 года, къ распространенію третьяго сада, находящагося на сѣверной подошвѣ монастырской горы, въ которомъ многія яблони посажены еще при Иг. Назаріѣ. Всѣ сады на Валаамѣ очень плодоносны и едва ли не единственные во всей Карелін. За монастырской горою, у низменнаго берега залива находится пристань обители, на которой останавливается пароходъ и всякія лодки, и у противоположнаго, отвѣснаго берега красуется монастырская сосѣма. Какъ пріятно, послѣ плаванія около семи часовъ по шумнымъ волнамъ пустыннаго озера, ступить на землю, гдѣ, напротивъ, непрерывная тишина и повсемѣстно видѣнъ добрый

трудъ. Вотъ направо передъ пристанью двухэтажный каменный домъ, въ которомъ пріютъ и пища ожидаютъ бѣдныхъ, обыкновенно Корелъ съ Кексгольмской стороны, собирающихся въ обитель по праздничнымъ днямъ. Лѣтомъ приплываютъ бѣдные въ утлыхъ лодьяхъ, которыми иногда правятъ одни женщины; зимою приходятъ по льду, не опасаясь замерзнуть на дальнемъ пути. Имъ позволяется быть на острову не долѣе двухъ сутокъ. За этимъ домомъ, на томъ же берегу залива въ одномъ отдѣльномъ строеніи добываютъ смолу, изъ остающихся безъ употребленія пней и валежника, которымъ обильны здѣшніе лѣса; въ другомъ пережигаютъ известь, изъ осколковъ Сердобольскаго мрамора, на случай монастырскихъ построекъ. Наконецъ Монастырскій заливъ красиво разливается въ видѣ круглаго озера; на выпуклыхъ берегахъ его вдали, между густымъ лѣсомъ, цвѣтутъ сѣнокосные луга, а въ лѣсу расположены кирпичные заводы. Обратимся теперь къ обители.

Дорога въ обитель лежитъ влѣво отъ пристани. Раздѣляя деревянныя хозяйственныя пристройки около помянутыхъ садовъ и пространные огороды, за которыми зеленѣютъ тучныя поля, она ведетъ, по гранитной лѣстницѣ съ площадками, на вершину

Монастырской горы; здѣсь двухсторонній рядъ старыхъ кленовыхъ и липовыхъ деревъ среди широкаго луга приводитъ къ Св. Воротамъ обители. Этотъ лугъ огражденъ со стороны залива рѣшеткой и кленами, ростущими межъ камней, по склону горы, и отсюда всѣ любуются двумя противоположными видами Монастырскаго залива. Съ лѣвой стороны заливъ широкъ, кругълъ и, при отраженіи полуденнаго солнца или полной луны, очаровательно исчезаетъ въ густой зелени, а съ правой, раздѣленъ рядомъ болѣе и болѣе высокихъ скалъ, и сливается двумя устьями съ безбрежнымъ озеромъ.

Переднюю сторону обители составляютъ двѣ двухэтажныя, длинныя кельи, соединенныя тремя сводами Святыхъ воротъ, на которыхъ возвышается церковь во имя Св. Ап. Петра и Павла, устроенная въ 1809 г. при Иг. Иннокентіѣ (смѣнившемъ Иг. Назарія въ 1801 году). Все строеніе обители расположено на двухъ дворахъ: внѣшнемъ и внутреннемъ, огражденныхъ съ четырехъ сторонъ кельями, въ одинъ или два этажа. Внутренній четырехсторонникъ келій выстроенъ при Иг. Назаріѣ, внѣшній съ тремя церквами, при его преемникѣ Иг. Иннокентіѣ. Кельи расположены внутри обоихъ этажей, съ двухъ сторонъ общаго прохода, подобно кельямъ въ Греческихъ монастыряхъ. Каждая изъ

пихъ вдлину, не болѣе двухъ саженей, шириною вдвое менѣе, подъ сводомъ, объ одномъ окнѣ, съ лежанкою и чисто выбѣлена. Столъ, два стула, скамья съ войлокомъ и подушкою—въ кельѣ, общій рукомойникъ и ведро съ водой—въ корридорѣ: всѣ принадлежности иноческаго жилья. Въ келью инока никто не входитъ, не произнеся словъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» и неуслышавъ отвѣта: «аминь». На внѣшнемъ дворѣ, по правую сторону Св. воротъ, находятся: келья духовника и рухольня или рядъ комнатъ, въ которыхъ хранятъ припасы для одежды и обуви братіи, по лѣвую, гостинница, замѣтная по большему крыльцу. О размѣщеніи путниковъ, прибывшихъ на пароходѣ, всегда заботится инокъ келіархъ; обыкновенно семействамъ онъ предоставляетъ покои въ гостинницѣ, а одинокимъ мужчинамъ, въ случаѣ недостатка въ ней комнатъ, опорожненныя братскія кельи. Помѣщеніе внутри обители, гдѣ примѣръ благочестія передъ глазами, успливаетъ молитву пріѣзжихъ богомольцевъ. На внутреннемъ дворѣ, куда ведутъ противоположныя ворота подъ кельями, находятся съ правой стороны этихъ воротъ: кельи очередныхъ іеромонаховъ и церковь, во имя Успенія Божіей Матери, въ которой служатъ особенно зимою,

почему и называютъ ее зимнимъ соборомъ. Эта церковь зачата постройкой изъ камня въ 1783 г., прежде всѣхъ прочихъ церквей; черезъ годъ она была освящена, а въ 1796 году вновь перестроена. Слѣва тѣхъ же воротъ находимъ кельи братіи и казначея.

Соборъ возвышается на восточной сторонѣ внутренняго двора. Онъ четырехсторонній, двухэтажный, подъ двусклонной крышей, о пяти деревянныхъ главахъ и съ круглой, высокой колокольней надъ папертью, пристроенной къ церкви. Его надстроивали и передѣлывали въ разное время, но онъ сохраняетъ прежній видъ. Нижняя церковь собора, во имя Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа, освящена 28 іюня 1799 г., верхняя, во имя Преображенія Господня, освящена 29 іюня 1794 г. при Иг. Назаріѣ. Входъ въ нижнюю церковь—со стороны сѣверныхъ воротъ; входъ въ верхнюю—противъ келіи игумена, находящихся посреди западной стороны келіи. Въ нижней церкви сохраняются гробницы Валаамскихъ Святыхъ Сергія и Германа; онѣ стоятъ съ лѣвой стороны иконостаса, въ серебряныхъ ракахъ, сооруженныхъ въ 1823 году. Къ сожалѣнію, письменные памятники обители не сохранили преданія о житіи Преподобныхъ. Особая служба Валаамскихъ Святымъ совершается съ 1817 года, а празднованіе памяти

здѣшнимъ Чудотворцамъ внесено въ мѣсяцесловы, по указу Святѣйшаго Сунода 20 октября 1819 года. Верхняя церковь несравненно выше и свѣтлѣе нижней; ея своды поддерживаютъ четыре прямосторонніе столба, которые, впрочемъ, не стѣсняютъ церкви. Въ ней иконостасъ рѣзной, позолоченный, образа темной иконописи, и только нижніе около царскихъ дверей украшены серебряными ризами. Изъ образовъ замѣчательны: «Заключеніе Христа въ темницѣ, Воскресеніе Христово», висящіе за престоломъ, и «Поклоненіе Волхвовъ», висящій надъ входомъ въ церковь. Это копіи съ картинъ новой живописи, подаренныя, съ рѣдкими святцами, бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сунода, Кн. Алск. Ник. Голицынымъ, который посѣтилъ обитель въ 1812 г. Изъ здѣшнихъ колоколовъ: праздничный, въ 550 пудъ, поліелейный, въ 150 п., и вседневный, въ 82 п., съ изображеніями и надписями, отлиты на островѣ въ 1820 г. мастеромъ изъ Валдая А. А. Шиловымъ; воскресный, въ 251 п., отлитъ въ Москвѣ 29 сентября 1803 г. и привезенъ въ 1809 г.; трапезный, неизвѣстно какого вѣса, вылитъ при Иг. Ефремѣ въ 1754 г. въ С.-Петербургѣ мастеромъ Д. Евдокимовымъ; часовой, въ 56 п., вылитъ Шиловымъ въ 1826 г., изъ вещей, пожертвован-

ныхъ обители, послѣ погребенія Императора Александра Павловича; зазвонный, въ 9 п. 25 ф., вылитъ въ 1763 г.

Между соборомъ и Успенской церковью нѣсколько келій занимаетъ ризница, замѣчательная немногочисленностію церковныхъ вещей дорогой цѣны,—Валаамская обитель находится вдали отъ губернскихъ, богатыхъ городовъ и въ малонаселенномъ, чуждомъ краю, по случаямъ, по которымъ пожертвованы эти вещи. Впрочемъ всѣ онѣ принадлежатъ тремъ послѣднимъ вѣкамъ. Шелковый набедренникъ, вышитый золотомъ, съ надписью «отъ раба Дмитрія», увѣряютъ, даръ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, героя, спасшаго Россію въ 1612 г. и извѣстнаго своими пожертвованіями въ послѣдніе годы жизни; серебряные алтарные сосуды, напрестольный ковчегъ и настоятельская парчевая риза, вышитая на оплечьѣ бархатными цвѣтами и подложенная бумажнымъ тикомъ—усердные дары Императрицы Елисаветы Петровны. Прочіе вклады пожалованы въ позднѣйшее время. Государь Императоръ Александръ Павловичъ щедро украсилъ обитель послѣ пребыванія на Валаамѣ. Онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ обитель 10 августа 1819 года, на пути изъ г. Архангельска въ г. Каяну Улеаборг-

ской губерніи, по переѣздѣ границы Финляндіи при Саммисѣ и прибытіи въ г. Сердоболь (Описаніе путешествія Императора Александра I-го, сост. Гриппенбергомъ. 1828 г. С.п.б. ст. 6). Въ намѣреніи пробыть на острову три часа, Государь оставилъ свою свиту въ городѣ, отплылъ въ озеро на шлюбкѣ и прибылъ на Валаамъ въ позднее вечернее время, въ нежданный часъ. Иноки встрѣтили Императора на паперти церкви, гдѣ терпѣливо Онъ ожидалъ, пока ее отперли. Они были не менѣе удивлены на другой день, когда Государь первый пришелъ къ заутрени, отказался отъ царскаго мѣста, ставъ между ними, и выслушалъ все продолжительное монастырское Богослуженіе. Но въ этотъ день и слѣдующій не было попутнаго вѣтра, и Государь соизволилъ прожить на Валаамѣ (въ гостинницѣ) три дня. Онъ осмотрѣлъ въ это время все хозяйство обители, удостоилъ своей бесѣды Игумена Иннокентія, братію, даже иноковъ отшельниковъ, въ ихъ уединенныхъ кельяхъ среди лѣса. Дары Императора Александра I-го, обогатившіе обитель, составляютъ одиннадцать ризъ золотой парчи, изъ которыхъ настоятельская и перводіаконскій стихарь вышиты на оплечьяхъ золо-

томъ, по зеленому бархату. Онѣ присланы въ слѣдующемъ году. Тогда же пожалованъ былъ Иг. Иннокентію брильянтовый наперстный крестъ, съ правомъ употреблять его всѣмъ здѣшнимъ игуменамъ во время священнослуженія, и купленъ домъ для подворья обители въ С. Петербургѣ въ Коломнѣ на Козьемъ болотѣ. Выстроенную на подворьѣ церковь, во имя Св. Сергія и Германа, и освященную 4-го сентября 1821 г., Государь посѣтилъ 30 марта 1822 г. Посѣщеніе обители Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1844 г., на пути въ г. Архангельскъ, на пароходѣ Ладога, ознаменовано даромъ серебряныхъ сосудовъ изящной отдѣлки. Замѣтимъ кстати: курганъ изъ цвѣтовъ съ мраморнымъ памятникомъ, поставленный на подошвѣ монастырской горы со стороны залива, въ нижнемъ саду, означаетъ, какъ видно изъ надписи, то мѣсто, гдѣ Его Императорское Высочество началъ списывать видъ обители, а надпись на отвѣсѣ противоположнаго берега залива указываетъ, гдѣ Великій Князь изволилъ окончить этотъ видъ (Валаамскій монастырь. С.п.б. 1847 г. ст. 21). О благочестивомъ усердіи гражданъ въ Валаамской обители напо-

минаютъ болѣе церкви, возведенныя и украшенныя пождивеніемъ благодѣтелей.

На западной сторонѣ внутренняго двора, среди братскихъ келій находятся небольшія кельи игумена. На южной сторонѣ келій, слѣва отъ воротъ, ведущихъ на задній внѣшній дворъ, расположены поварня и трапезная; справа устроена церковь, во имя Святителя Николая Чудотворца, освященная 4-го августа 1793 г. Эта церковь и Успенская не отдѣляются отъ сплошнаго строенія келій, и замѣтны только по четырехграннымъ главамъ. На заднемъ внѣшнемъ дворѣ, съ лѣвой стороны тѣхъ же воротъ находится канцелярія, съ правой, библіотека. Многія изъ здѣшнихъ рукописей очень рѣдки и замѣчательны содержаніемъ: «Оглашенія» Преподобнаго Ѳеодора, игумена Константинопольской Студійской обители, или «бесѣды его къ братіи», поучаютъ различнымъ обязанностямъ въ общежитіи. Книги Отцовъ Григорія Паламы, Каллиста Антиликуди, Симеона Новаго Богослова, Преподобнаго Нила Сорскаго, Русскаго писателя, даютъ спасительныя наставленія и предостереженія къ молитвѣ. Для руководства къ жизни въ скитуи пустыняхъ служатъ книги: Патерики, книга знаменитаго наставника Безмолвниковъ Исаака

Спрскаго; книга «Цвѣтникъ» священноинока Дороѳея, Русскаго писателя, жившаго, какъ видно изъ самой книги, во времена Патріарховъ, и проч. Нѣкоторыя сочиненія давнихъ изданій. Замѣтимъ: Служебникъ полный. 1620 г. Кіево-Печерская Лавра, Евангеліе учительное на праздники господскіе и нарочитыхъ святыхъ. 1620 г. Могилевъ, Евангеліе. 1657 г. Москва, Ключь разумѣнія. 1659 г. К. П. Л., Анфологіонъ. 1660 г. Москва, Миръ съ Богомъ или покаяніе святое. 1664 г. К. П. Л., Бесѣды на Іоанна Евангелиста. 1665 и 1793 К. П. Л., Акафистъ со стихарями и кононами. 1667 г. Кіевъ и 1698 г. Могилевъ, Обѣдъ духовный Симеона Полоцкаго. 1681 г. Москва, Календарь или мѣсяцословъ историческій на лѣто отъ Р. Х. 1729. Москва и проч. Изъ свѣтскихъ книгъ собраны въ библіотекѣ преимущественно тѣ изданія на Русскомъ языкѣ, которыя относятся до здѣшняго края.

Среди южныхъ келій, противъ воротъ внѣшняго двора находится больница съ пространнымъ коридоромъ и особою трапезою, а посреди больницы возвышается двухэтажная церковь, называемая больничной или кладбищенской. Въ нижней церкви престолъ, во имя Живоноснаго Источника (празднуемаго на Святой недѣлѣ въ пятницу), освященъ, вмѣ-

стѣ съ выстроенною больницею, 30 іюня 1814 г. при Иг. Иннокентіѣ. Здѣсь надъ входомъ виситъ четвертая изъ картинъ, упомянутыхъ выше (см. ст. 44), «Жертвоприношеніе Исаака». Въ верхней престолъ, во имя Св. Троицы, освященъ въ 1837 г. Правѣе больничной церкви, въ нижнемъ этажѣ находится пекарня для просфоръ. Внѣ обители, по лѣвую сторону больницы, старые клены, остатки бывшей здѣсь кленовой рощи, осѣняютъ кладбище иноковъ, на которое ходъ со стороны залива черезъ ворота внѣшняго западнаго двора; по правую, въ отдѣльныхъ каменныхъ домахъ помѣщаются наемные рабочіе, конюшни, кузница, а подаль находимъ деревянную мельницу при маленькомъ прудѣ и хлѣбный магазинъ. Все это расположеніе и устройство Валаамской обители тѣмъ болѣе замѣчательно, что почти неизмѣнно сохранилось со временъ Иг. Назарія.

Въ первоклассной Спасопреображенской обители, въ число положеннымъ штатомъ 50 служащихъ и 20 больничныхъ монаховъ и въ число столькихъ же послушниковъ (на основаніи 5 пункта Высочайше утвержденныхъ правилъ 29 мая 1832 г.) судя по 1850 г., состоитъ: игуменъ, 16 іеромонаховъ, 8 іеродіаконовъ, 42 монаха, 33 опредѣленныхъ послушниковъ и остается 4 монаше-

скихъ, 37 послушническихъ незанятыхъ должностей. Кромѣ того проживаетъ до 50 и болѣе богомольцевъ, трудящихся по обѣщанію, и до 80 вольнонаемныхъ рабочихъ.

Обычаи Валаамскихъ иноковъ замѣчательны для любопытныхъ и спасительны для прибывающихъ раздѣлять съ ними молитву и постъ. Вотъ въ чемъ проходятъ здѣсь лѣтній день. Въ девять часовъ утра, по короткому звону иноки собираются къ поздней обѣднѣ; они совершаютъ ее постоянно въ соборѣ. Громкое, внятное чтеніе и тотъ протяжный, возвышенный напѣвъ, который заимствованъ отъ Грековъ и, въ сравненіи съ прочими напѣвами, названъ Русскими столбовымъ или знаменнымъ, возбуждаютъ невольно вниманіе къ священной службѣ. Богомольцы не видятъ, какъ проходитъ время обѣдни, продолжающейся два часа съ половиною и болѣе. Обѣдню оканчиваютъ иноки молебномъ Божіей Матери и Св. Сергію и Герману. Изъ церкви они выходятъ прямо въ трапезу обѣдать, куда приглашаютъ и богомольцевъ мужчинъ, не допуская въ обители своей ни какой купли, ни продажи, кромѣ продажи свѣчей и просфоръ. Женщинамъ и семействамъ предоставляютъ общую трапезу въ гостинницѣ. Трапеза иноковъ обширна, освѣщена

съ двухъ продольныхъ сторонъ большими окнами и украшена изображеніями Преподобныхъ Отцевъ, во весь ростъ, на простѣнкахъ оконъ. Столы разставлены вдоль трапезы подлѣ оконъ; ихъ накрываютъ въ будни почти на сто человѣкъ, а въ двунадесятые праздники, вдвое болѣе. Собравшіеся иноки садятся вокругъ столовъ не прежде, какъ когда очередный іеромонахъ прочитаетъ молитву и благословитъ поставленное кушанье. Во время стола, одинъ изъ иноковъ выразительно читаетъ житія святыхъ изъ Минеи-четіи, или поученія изъ отеческихъ книгъ, на амвонѣ, стоящемъ посреди трапезы. Въ обыкновенномъ сборѣ стола иноковъ, для каждаго ставится деревянная тарелка съ ложкой и кладется ломоть хлѣба; ручникъ покрываетъ двѣ тарелки, изъ чаши съ пищею вкушаютъ четыре инока, сидящіе по двое на противуположныхъ сторонахъ стола; а высокая оловянная чаша квасу съ ковшомъ, между двухъ деревянныхъ солонокъ, служитъ восьми инокамъ, сидящимъ вчетверомъ, другъ противъ друга. По звонку іеромонаха, послушники выходятъ изъ за стола, снимаютъ пустыя чаши и приносятъ изъ поварни слѣдующія кушанья. За обѣдомъ бываетъ четыре перемѣны ихъ, за ужиномъ три. Пища отличается свѣжестью, вкусомъ и выборомъ

припасовъ. Она состоитъ во время поста изъ одних овощей; для говѣющихъ ее не приправляютъ даже постнымъ масломъ; рыбу употребляютъ постомъ только въ праздничные и указные церковнымъ уставомъ дни. Въ скоромные дни уха и кусокъ пирога съ рыбой и яицами, самыя лучшія блюда здѣшнихъ иноковъ. Ржаной хлѣбъ здѣсь прекрасно приготовляется: онъ чисто высѣянъ, ровно выпеченъ, четвероугольный видомъ, съ мягкою коркою и, какъ здѣшній хлѣбный квасъ, не имѣетъ ни острой кислоты, ни приторной сладости. Сладкіе плоды изъ садовъ и огородовъ обители раздѣляются не иначе, какъ за общею трапезою, въ концѣ стола. Трапезу продолжаютъ иноки, за обѣдомъ, около полчаса времени, за ужиномъ, еще скорѣе и заключаютъ общею молитвою. Въ будни, отдохнувъ съ часъ времени, каждый изъ нихъ принимается за возложенное на него занятіе по хозяйству обители. Въ великіе праздники, за часъ до вечерни, иноки съ богомольцами собираются въ трапезу, на общій чай. Это единственный напитокъ, оживляющій смиренныхъ иноковъ. Они пьютъ его изъ деревянныхъ чашечекъ, а стаканы предоставляютъ богомольцамъ. Нельзя не замѣтить, какъ весь этотъ обычай монастырской трапезы простъ, удобенъ

и сообразенъ съ духомъ братскаго общенія и любви.

Въ шесть часовъ вечера, когда общественные труды почти всѣ оканчиваются, иноки совершаютъ вечерню, которая продолжается два часа времени въ верхней церкви собора. Къ вечерни прибавляютъ коноы Спасителю, Богоматери и Ангелу Хранителю и акафисты, которые читаютъ Спасителю въ Воскресные а Богоматери въ прочіе дни. Послѣ вечерни иноки идутъ прямо въ трапезу ужинать; отсюда возвращаются въ церковь, чтобы совершить правило, состоящее изъ молитвъ, помянника и поклоновъ; потомъ идутъ въ нижнюю церковь приложиться къ ракѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и уже тогда расходятся по кельямъ на покоі. Въ этоі поздней вечернеі службѣ участвуютъ и богомольцы, увлекаясь общимъ примѣромъ иноковъ. Съ девяти часовъ вечера водворяется въ обители глубокая тишина. Лѣтомъ наканунѣ Воскресенья, или праздничнаго дня, за вечернею, которую начинаютъ тогда въ пять часовъ вечера, слѣдуетъ въ семь часовъ всенощная и продолжается за полночь. Торжественный гулъ большихъ колоколовъ за всенощноі, возвѣщая о наступленіи праздника, раздается въ дальнихъ окрестностяхъ обители. Иловецъ, слыша

этотъ гулъ на озерѣ, вспоминаетъ объ обители, славящей Бога на вершинѣ уединенной скалы, въ нерушимую тишину ночи, передъ яркимъ огнемъ, и, чувствуя всю тщету своихъ заботъ, воспламеняется самъ ревностію къ молитвѣ. Въ обыкновенные дни, вмѣсто всенощной, бываетъ заутреня, въ три часа утра. За полчаса передъ звономъ, за дверью каждой кельи раздается колокольчикъ и слова: «пѣнію время и молитвѣ часъ», иноkъ легко пробуждается и отвѣчаетъ: «аминь». И у богомольцевъ, еще не привыкшихъ къ долгой и частой службѣ, сонъ здѣсь чутокъ и не дологъ: постъ облегчаетъ сонъ, молитва настроваетъ вниманіе. Собравшись въ церковь, иноки возсылаютъ раннюю молитву свою Богу, еще до восхода утренней зари, прежде нежели появленіе солнца оживитъ всю природу. Послѣ заутрени слѣдуетъ ранняя обѣдня. Она бываетъ чаще въ нижней соборной церкви, гдѣ служатъ потомъ молебны Преподобнымъ Сергію и Герману. Подобно инокамъ, богомольцы проводятъ въ утренней молитвѣ около четырехъ часовъ сряду, но при всемъ чувствѣ усталости бываютъ довольны собою, какъ послѣ истинно-добраго дѣла и какъ очень рѣдко въ мірской жизни.

Въ Валаамской обители иноки, изнуренные

лѣтами и испытанные во многихъ послушаніяхъ поселяются, для большаго преуспѣянія въ подвигахъ благочестія, въ общемъ скиту. Валаамскій скитъ находится на сѣверной сторонѣ скалистаго острова, составляющаго противоположный берегъ Монастырскаго залива. Самая близкая, пѣшеходная дорога въ скитъ идетъ съ монастырской горы, черезъ заливъ, который переплываютъ на лодкѣ, завсегда готовой, и лѣсомъ, на разстояніи полторы версты. На этомъ пути встрѣчаются часто площади гладкаго, плотнаго, сѣраго гранита, съ бороздами, по направленію отъ ССВ. къ ЮВВ.; онѣ высовываются изъ подъ наносовъ, занятыхъ во многихъ мѣстахъ пашнями, или лугами; но какъ наносы эти глубже въ рытвинахъ и содержатъ болота, то это доказываетъ, что гранитъ и островъ были не такъ давно подъ водою. Изъ скита обыкновенно возвращаются по другой дорогѣ, по проѣздной, пролегающей вокругъ верхняго конца Монастырскаго залива, и заходятъ на кирпичные заводы. Здѣсь видимъ шатеръ надъ тремя печами, въ каждой по 9 топокъ съ двухъ сторонъ; два ворота, движущихся лошадьми, для смѣси глины и каждый кирпичь, выходящій изъ станка, съ клеймомъ, которое означаетъ славянскими буквами не только мѣсто,

но и годъ выдѣлки кирпича. Любопытно также отправиться въ скитъ на иноческомъ катерѣ, по извилистымъ водамъ Монастырскаго залива, соединяющагося со Скитскимъ: здѣсь, на протяженіи трехъ верстъ, можно любоваться роскошной зеленью береговъ внутри острова. Скитъ помѣщенъ на одной изъ обнаженныхъ площадей гранита въ густомъ безмолвномъ лѣсу. Онъ основанъ Игуменомъ Назарiемъ. При основаніи скита положено: непрерывно читать псалтырь, посмѣнно, черезъ два часа, днемъ и ночью, отправлять Богослуженіе въ Воскресные и субботніе дни, употреблять пищу изъ одинхъ кореньевъ и не дозволять входа лицамъ женскаго пола. Скитская братія, въ числѣ 10 иноковъ, строго исполняя все это доселѣ, помнитъ въ молитвахъ своихъ почившихъ братіи и благотворителей обители и, въ свободное время отъ церковной службы, общаго труда по хозяйству и келейнаго правила, занимается разными рукодѣльями въ кельяхъ. Въ день Св. Пасхи она соединяется съ братіею обители и участвуетъ въ Богослуженіи и трапезѣ. Первыя строенія скита: однопрестольная церковь, во имя Всѣхъ Святыхъ, 8 келій, отстоявшихъ одна отъ другой на 20 саженей, по сторонамъ ограды, были построены изъ камня, но въ маломъ

размѣръ. Нынѣшнее строеніе скита несравненно красивѣе и больше. Оно состоитъ: изъ ограды, четырехсторонней съ круглыми углами, въ видѣ башней, по которой расположены кельи о шести окнахъ, раздѣленныя на два жилья общимъ ходомъ и соединенныя полисадами, и изъ высокой двуярусной церкви посредп площади. Изъ этихъ келій двѣ нѣсколько больше: въ одной трапеза, въ другой, съ деревянной свѣтлицею, помѣщеніе для игумена. Ограда и кельи построены въ 1844 году. Все строеніе скита занимаетъ гранитную площадь, сравненную посредствомъ пороха; оно утверждено на тузеломъ гранитѣ, въ родѣ дикаго камня, и выведено изъ кирпича собственнаго издѣлія, который отличается яркимъ цвѣтомъ и мелкимъ зерномъ, жирнымъ на ощупъ. Церковь вѣнчаютъ: большая глава подъ округлою крышею и маленькія главы съ острокопечными яблоками подъ крестами, продолжающія четыре угла церкви; надъ папертью церкви возвышается круглая колокольня со сводами подъ конической крышей; крыша, главы и кресты вызолочены чрезъ огонь на мѣди; стѣны церкви со входной и алтарной сторонъ украшены двускатными щитами, окна парныя и вверху округлыя. Этой красотой, удобствомъ и прочностью скитъ одолженъ дѣятельному тщанію

о. Игумена, иланамъ Ак. г. Горностаева и благотворенію Московскаго Почетнаго Гражданина Ѳ. Ѳ. Набилкова, пожертвовавшаго на устройство скита 25 тысячь руб. асс. Въ нижнемъ ярусѣ скитской церкви престолъ, во имя Всѣхъ Святыхъ, освященъ 18 августа 1849 г.; въ верхнемъ, во имя Небесныхъ Силъ или Девяти чиновъ Ангельскихъ. Освященіемъ этого престола 18 іюля 1850 г. ознаменовалъ свое пребываніе на Валаамѣ Высокопреосвященный Митрополитъ Никаноръ, посѣтившій обитель на пароходѣ «Усердный». До тѣхъ поръ только Митрополита Михаила видѣли здѣсь. Онъ прожилъ съ 17 іюля 1819 г. четверо сутокъ. Иконостасы въ обѣихъ церквахъ рѣзные, вызолоченные, съ образами въ золотомъ полѣ, и все внутреннее устройство ни въ чемъ не уступаетъ столичнымъ церквамъ. Колокола въ скиту отличаются надписями; на колоколѣ, въ 96 п. 18 ф., изображено: «хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите вси Ангели Его»; на колоколѣ, въ 47 п. 38 ф., «вечеръ, утро и полудне повѣмъ, возвѣщу и услышатъ гласъ мой». Оба вылиты 12 іюня 1850 г. на Охтѣ, на заводѣ Валдайскаго купца М. М. Стуколкина.

Версты за полторы отъ обители къ сѣверу находятся уединенные скиты или пустыни, въ

которыхъ иноки старцы, большей частію схимонахи (отличающіеся изображеніемъ на одеждѣ святыхъ надписей, главъ Серафимовъ и надгробныхъ крестовъ), чтобы успѣшнѣе облечься въ новаго человѣка передъ смертію, смиряютъ свою плоть и питаютъ духъ молитвой въ совершенномъ уединеніи, даже отъ братства. Эти иноки отшельники приходятъ въ общую обитель только по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, для исповѣди, или участія въ церковной службѣ и удаляются въ пустыни на другой день послѣ трапезы. Надо видѣть жизнь инока въ безмолвномъ лѣсу, въ тѣсной и темной кельѣ, надо слышать его рѣчи, проникнутыя духомъ Св. Писанія, ясныя, многозначущія и поучительныя, чтобы понять все величіе этого человѣка, который притомъ, еще въ юности, разорвалъ всѣ связи съ міромъ, для безпрепятственнаго стремленія къ горней жизни, обѣщанной ученіемъ Христа. Въ окрестностяхъ обители многія мѣста называются по именамъ бывшихъ отшельниковъ, но теперь только два инока живутъ въ пустыняхъ.

На Валаамѣ замѣчателенъ также древній уединенный скитъ Св. Александра Свирскаго. Онъ находится въ семи верстахъ отъ обители къ сѣверу, на такъ называемомъ Святомъ острову, извѣст-

номъ прежде, какъ видно изъ описи плана о. Валааму, составленнаго въ 1784 г., подъ именемъ Стараго Валаама. Этотъ островокъ считается самымъ высокимъ между Валаамскими островками, и берега его, почти со всѣхъ сторонъ отвѣсные, ржавые столь правильно разбиты трещинами, что островокъ кажется издали крѣпостью, складенною нарочно изъ камня Нигдѣ притомъ основная толща не разрушается такъ явно, какъ на этомъ высокомъ и—слѣдовательно давно осушенномъ островкѣ: здѣсь темносѣрый гранитъ распадается по зернамъ и огромнымъ каменьямъ и содержитъ нѣсколько береговыхъ уступовъ, усыпанныхъ краснобурой почвой. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, Преподобный, просвѣтясь въ юношескомъ возрастѣ назидательнымъ сновидѣніемъ, удалился изъ дому родителей съ береговъ рѣки Свири на Валаамъ и, постриженный здѣсь въ 1447 г. Игуменомъ Іоакимомъ, спасался на о. Святомъ въ пещерѣ, изсѣченной въ скалѣ подъ большимъ камнемъ, гдѣ до сихъ поръ замѣтенъ маленькій очагъ, сохраняются образъ и крестъ очень древніе и найдены недавно двѣ мѣдныя монеты: Шведская 1666 г. и Русская 1750 г. Въ память пребыванія Св. Александра Свирскаго на островкѣ стоитъ часовня, во имя Его, и сюда не премнуетъ зайти по-

молиться судовщикъ, остановившійся въ одной изъ здѣшнихъ сѣверныхъ пристаней Валаама.

Валаамскіе иноки отправляютъ по временамъ священнослуженіе и разныя порученія отъ братства и вић острова, въ дальнихъ мѣстахъ. Когда Высочайше разрѣшено было учредителю Американской Компаніи Рыльскому купцу Григорію Шелехову съ товарищемъ Курскимъ Головою Иваномъ Голиковымъ отправить и содержать посольство, для просвѣщенія Православной вѣрой жителей Русскихъ владѣній въ Америкѣ, Иг. Назарій избралъ восемь человѣкъ здѣшнихъ иноковъ, между которыми Іеромонахъ Іоасафъ (Куз. Алек. Болотовъ) получилъ полное семинарское образованіе. Изъ писемъ Валаамскаго инока Германа къ Иг. Назарію и Коневскаго ин. Іосифа (Очерки Россіи Пассека. 1842 г. ч. 5. ст. 223) видно, что въ этомъ посольствѣ участвовали и Коневскіе иноки. Всѣ отправились въ путь въ 1793 г., прибыли въ Охотскъ 13-го іюля слѣдующаго года и, проповѣдывавъ Св. крещеніе, сначала въ Якутскѣ, потомъ на о. Кадьякѣ, гдѣ Алеуты охотно крестились, успѣли въ теченіе года обратить въ Православную вѣру до семи тысячъ человѣкъ и заложить двѣ церкви, кромѣ того, что содержали двѣ походныя церкви. Но изъ десяти ино-

ковъ Іеромонахи : Кошевскій Макарій и Валаамскій Ювеналій (изъ горныхъ офицеровъ), особенно были неустрашимы и усердны. Пускаясь по морю въ маленькихъ кожаныхъ лодкахъ, они охотно несли Евангеліе на дикіе острова, и спорили другъ съ другомъ, желая идти въ болѣе опасныя мѣста къ Аляксѣ. Макарій отправленъ былъ въ 1795 г. въ Уналашку, гдѣ, объѣхавъ весь тамошній отдѣлъ отъ Униги до Четырехсопочныхъ острововъ, окрестилъ всѣхъ Алеутовъ, онъ выбылъ въ слѣдующемъ году въ Иркутскъ; а Ювеналій отправился въ Нучекъ и, окрестивъ тамъ болѣе 700 жителей Чугачь, потомъ всѣхъ жителей въ Кенайскомъ заливѣ, продолжалъ путь на Аляксу къ озеру Иляменѣ. Но тутъ возстали противъ него Американцы, нестолько за воспрещеніе многоженства, сколько въ раскаяніи, что отдали дѣтей для обученія ихъ въ Кадьякѣ. Онъ предался убійцамъ безъ сопротивленія, прося одной пощады своимъ спутникамъ, которую они и оказали. Поверженный стрѣлами на землю, нѣсколько разъ вставалъ увѣщевать убійцъ и смолкъ, когда они изрубили его въ куски. Эта мученическая смерть пр. Ювеналія, во славу Христіанства, устрашила всѣхъ дикарей. Прочіе участники посольства служили въ церквахъ и обучали дѣтей въ школахъ. Пр. Германъ, живя

на отдѣльномъ островѣ Еловомъ, занимался молитвою и хозяйствомъ и обучалъ тому же своихъ малолѣтныхъ воспитанницъ Алеутокъ–сиротъ. Къ сожалѣнію, Настоятель Іоасафъ, посвященный въ Иркутскѣ Кадьякскимъ Викарнымъ Епископомъ въ 1799 г., потонулъ на возвратномъ пути въ Кадьякъ, со всѣмъ судномъ Феникс, при берегахъ одинаго острова. Со смертію Іоасафа уничтожился Викаріатъ. Іеромонахъ Макарій и ІеродіаконъСтефанъ и два церковныхъ служителя также потонули; монахи Іоасафъ и Германъ умерли здѣсь, а Іеромонахъ Аѳонасій и Іерод. Нектарій выбыли изъ Кадьяка (Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла о. И. Веніаминова, нынѣ Епископа Камчатско-Алеутско-Курильскаго Преосвященнаго Иннокентія. Спб. 1840 г. ст. 153—159). Валаамскіе иноки помогали приходскимъ священникамъ исправлять церковныя требы въ С. Петербургѣ въ холеру 1831 и 1848 годовъ; тогда было послано сюда 8 іеромонаховъ. Уединеніе на Валаамѣ пріучаетъ къ терпѣнію и самоотверженію, съ которыми можно исполнять самые трудные духовные подвиги. По порученію братства здѣшніе иноки содержатъ въ С. Петербургѣ (у Малоохтенскаго перевоза въ Рожественской части) часовню, для сбора подаяній, которая, замѣтимъ,

существуетъ здѣсь со времени продажи въ казну дома, бывшаго Валаамскимъ подворьемъ въ Коломнѣ, и выстроена на землѣ, подаренной купцами братьями Короваевыми.

Послѣ службы Богу иноки служатъ своему братству. Каждый изъ нихъ исправляетъ то послушаніе, къ которому его находятъ старшіе наиболѣе способнымъ. По свойству потребностей въ братской жизни, эти послушанія раздѣляются: на существенныя, постоянныя, общія, каковы: приготовленіе пищи, мытье бѣлья, шитье одежды и проч., что нѣсколько иноковъ, подъ именемъ хозяина, помощника и послушниковъ, исполняютъ съ ранняго утра, въ продолженіе цѣлаго дня; и на частныя, каковы: завѣдованіе ризницею, размѣщеніе богомольцевъ, снабженіе лекарствами, чѣмъ занимаются иноки порознь, въ свободное время отъ священной службы, преимущественно тѣ, которые читаютъ, или поютъ въ церкви. При такомъ раздѣленіи труда, занятія тяжелыя, общія достаются на долю сильныхъ, молодыхъ и малограмотныхъ иноковъ, а частныя на долю пожилыхъ и священнодѣйствующихъ. Братскій трудъ столь увлекателенъ, что и богомольцы, особенно говѣющіе, охотно убираютъ церковь, работаютъ въ садахъ и огородахъ и участвуютъ въ разно-

образныхъ послушаніяхъ иноковъ. Нужды здѣшняго братства не ограничиваются пищею, одеждою, церковнымъ и домашнимъ уходомъ; полеводство, огородничество, рыбныя ловли и въ особенности постройки, что все производятъ иноки съ вольнонаемными людьми, требуютъ надзора. Этому посвящаетъ силы игуменъ, полный хозяинъ острова. Всякій общежительный трудъ требуетъ со стороны иноковъ безпрекословнаго повиновенія и совершеннаго послушанія настоятелю—безъ его благословенія иноки не приступаютъ ни къ чему, равно братской любви другъ къ другу и надежды на помощь Божію; со стороны игумена общій трудъ предпринимается съ согласія братіи, особенно старшей, и всякое настояніе по труду и жизни бываетъ въ духѣ смиренномудрія, терпѣнія и любви. Въ этихъ правилахъ очевиденъ духъ ученія Христова. Какъ ни тяжело и строго иноческое общежитіе на Валаамѣ, по уставу принесенному старцемъ Назаріемъ изъ Саровской пустыни, многіе свѣтскіе люди подчинили ему цвѣтущія лѣта свои, родъ, состояніе, заслуги и воспитаніе, для ревностнаго служенія Богу; они состарѣлись здѣсь въ подвигахъ поста и молитвы и забыли все на свѣтѣ, кромѣ Творца вселенной.

Тѣмъ болѣе духовное общежитіе на Валаамѣ назидательно для свѣтскаго человѣка.

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о естественныхъ способахъ Валаама къ общественной жизни и о сельскомъ хозяйствѣ здѣшней духовной обители, необходимо коснуться главныхъ предметовъ природы этого острова, въ порядкѣ ихъ взаимнаго подчиненія другъ другу. Воды Валаама, повсюду видимыя на острову, имѣютъ разнообразную глубину и поверхность. Озеро, при каменныхъ отвѣсныхъ берегахъ, кругомъ острова, содержитъ до 70 саженъ глубины; заливы внутри острова значительно мельче: они отъ 20 саженъ до одного аршина глубиною. Эта глубина заливовъ прибываетъ, если дуетъ сильный вѣтеръ со стороны озера, и убываетъ, если онъ дуетъ со стороны острова. Она увеличивается, по замѣчаніямъ иноковъ, временно, семь лѣтъ сряду, и столько же лѣтъ уменьшается. Впрочемъ обнаруженіе подводныхъ скалъ, невозможность плыть на лодкахъ тамъ, гдѣ ходили прежде соймы, и бѣлыя полосы на скалистыхъ берегахъ отъ устоя водъ, видимыя гораздо выше настоящаго ихъ уровня, свидѣтельствуютъ еще о безвозвратной убыли заливовъ и—конечно самаго озера, потому что, тѣ же полосы замѣтны на всемъ сѣверовосточномъ

скалистомъ и частію сѣверозападномъ его берегахъ. Эта убыль, по увѣренію старцевъ, происходитъ въ теченіи тридцати лѣтъ на одинъ аршинъ глубины. Но повсемѣстный обзоръ и сравненіе бѣлыхъ полосъ, проникающихъ камень, которыя поверхность тихихъ водъ осаждаетъ, какъ нарочно, въ знакъ послѣдовательнаго и постепеннаго измѣненія заливовъ и озера, можетъ вести къ болѣе вѣрнымъ заключеніямъ; къ сожалѣнію, этого обзора еще не сдѣлано

На разной глубинѣ водъ виоки пользуются разною рыбою. Они ловятъ ее большей частію кругомъ острова, и по этому на всѣхъ сторонахъ его содержатъ рыбачьи пристани. Каждая пристань имѣетъ плотъ, часовню, двухъ-ярусную избу, для пристанища и для соленія рыбы, и погребъ, для ея склада. Въ ловляхъ ихъ участвуютъ прибрежные рыбаки, наиболѣе Корелы сѣверовосточнаго берега озера; за это каждый изъ нихъ удѣляетъ обители извѣстное количество рыбы. Впрочемъ лѣтъ за сто передъ симъ Корелы свободно ловили рыбу въ предѣлахъ Валаамскихъ водъ, которыхъ границу со стороны Салмиской полагали тогда на линіи Крестоваго острова (Ристасари); но когда рыбаки Тервускіе и Якимварскіе стали оспоривать нѣкоторые острова у обители, эти

ловли были ограничены. Съ тѣхъ поръ береговые рыбаки обязались доставлять въ пользу обители по нѣскольку сиговъ. Нынѣ, съ увеличеніемъ цѣны на рыбу, каждый рыбакъ удѣляетъ до двухъ дюжинъ сиговъ. Рыбныя ловли начинаются весною, въ озерѣ, съ харыюса до двухъ четвертей длины, въ заливахъ, со щукп. Сначала лѣта ловятъ посредствомъ кереводъ: лосось и сигъ—лудогу; около Петрова дня, паровой (большой) сигъ. Въ то же время, на глубинѣ отъ 12 до 20 сажень, противъ сѣверовосточныхъ пристаней острова Тростяной и Баённой, идетъ, на крючки съ наживой изъ плотвы, корюшки, особенно ряпушки, ямная палья, а на глубинѣ отъ 50 до 150 саж, палья кряжевая. Поздпимъ лѣтомъ противъ западной Петровской пристани ловятъ мережами и кереводами: черный сигъ около двухъ четвертей длины, и въ разныхъ мѣстахъ, палью на ростовую, то есть, кидающую икру, а въ южной Пиконовой и сѣверовосточной Баённой пристаняхъ ловятъ малёкъ или всякую наживу для крючка. Впрочемъ цѣлое лѣто попадаются въ озерѣ большіе окуни, въ заливахъ, маленькіе окуни; въ Лещевомъ озерѣ, лещи, въ тѣсныхъ мѣстахъ между островами, караси и проч. Съ половины ноября, почти круглый мѣсяцъ, между ос. Святымъ и

монастырской горой, противъ юговосточной пристани Желѣзныхъ воротъ и въ Никоповой, гдѣ только удобно ставить сѣти, ловится маленькій, сладкій сигъ, называемый «Валаамка», который каждый разъ появляется въ этихъ мѣстахъ стадами, кидаетъ икру и черезъ день пропадаетъ. Среди зимы ставятъ только мережи для палимовъ. Самымъ обильнымъ и удобнымъ мѣстомъ для ловли рыбы около острова, гдѣ можно ловить ее до поздней осени, нюки считаютъ мѣсто противъ Петровской пристани. Разное количество рыбы ловится въ теченіе года: въ 1841 году получено 796 п. 31 ф, въ 1851 г. до 600 п. Въ водахъ около острова живутъ еще тюлени. Они попадаютъ иногда на крючки, опущенные въ озеро для ловли рыбы, заплываютъ также въ мережи и неводы, поставленные въ узкихъ проливахъ, но чаще поѣдаютъ въ сѣтяхъ рыбу, рвутъ ихъ и уходятъ. Туземцы обыкновенно ищутъ тюленей поздними лѣтомъ на краяхъ скалъ, гдѣ они спокойно лежатъ на солнцѣ, и бьютъ ихъ изъ ружій. Здѣшній тюлень доставляетъ до двухъ пудовъ жиру.

Пониженіе озера и заливовъ распространяетъ островъ, а съ возмущеніемъ ихъ поверхности увеличивается почва. На водахъ около

острова изрѣдка пролетаетъ чайка, хватая рыбу изъ воды, плещутся семьи черныхъ утокъ между островками; но постоянно ударяютъ волны. Въ бурные вѣтры, около отвѣсныхъ береговъ, волна поднимается прямо, потрясаетъ кудрявой вершиной и, какъ развязавшійся, огромный снопъ, падаетъ съ плескомъ въ воду; пѣна облегаетъ берега широкой коймой. Къ отлогому берегу волна бѣжитъ издалёка, входитъ на него съ разныхъ сторонъ широкимъ валомъ, саженя на двѣ выше уровня воды, и катится назадъ струями, съ плескомъ и шумомъ. Сначала она грозитъ разрушеніемъ этимъ берегамъ, потомъ дѣйствительно подмываетъ ихъ, особенно, если они уже треснули: камень распадается съ громкимъ грохотомъ и тяжелымъ ударомъ въ воду. Случается притомъ, къ счастію очень рѣдко, волна быстро влечетъ за собою судно, застигнутое бурей въ озерѣ; пловецъ, пользуясь благопріятствующимъ вѣтромъ, уже думаетъ на вѣрное укрыться между островками, или въ заливѣ, но вдругъ поднимается здѣсь перекрестный, затаенный вѣтеръ, и волна сокрушаетъ судно о скалу. Въ заливахъ острова волны стелятся широкими складками съ бѣлой, кудрявой коймою, кругомъ разсѣянныхъ скалъ и полудамъ,

онѣ сглаживаютъ гранитъ, дробятъ его и дѣятельно осаждаютъ гдѣ песокъ, гдѣ глину. Напротивъ въ тихую погоду заливы покрываются чешуею, рубцами, рябью, бываютъ гладки, какъ зеркало и, подобно озеру, содержатъ воду, блестящую на взглядъ и мягкую во вкусѣ. Знакомясь съ здѣшней природой, по дорогамъ отъ обители къ рыбачьимъ пристанямъ, испытываемъ два впечатлѣнія этихъ водъ: въ обители на горномъ берегу безмолвнаго залива чувствуемъ покой и довольство, а на берегу дальняго озера, при непрерывномъ шумѣ деревъ и волнъ, разбивающихся о скалы, напротивъ ропотъ и желанье; но тѣмъ милѣе и дороже кажется тишина обители.

Ладожское озеро вообще изобилуетъ островами, а подъ именемъ Валаама представляетъ область 43 островковъ. Эти островки простираются вдоль озера, въ видѣ буквы S, на 8 верстъ и содержатъ въ окружности 30 верстъ, а пространства, по изслѣдованію Швейцера (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1845 г. кн. 8 ст. 281), 28 квадр. в. На сѣверѣ они лежатъ купами, уменьшающимися къ востоку. Здѣсь островки Баённые, большіе и малые, около 5 верстъ въ окружности, и Лембосъ, которые раздѣлены поперегъ проливомъ и лежатъ угломъ выше первыхъ, составляютъ су-

доемную пристань отъ 7 до 10 саж. глубины, способную вмѣстить безопасно во всякіе вѣтры до 30 гальётовъ; а находящійся выше Святой островокъ и прилежащіе къ нему содержатъ самую сѣверную пристань Черный Носъ (Сурманіеми), далѣе лежатъ Сурхонка (въ $2^1/_2$ в. отъ Лембоса), Хонка (въ 3 в. отъ послѣдняго) и проч. Сѣверные островки выше прочихъ. По крайней мѣрѣ Святой островокъ или Старый Валаамъ возвышается при обыкновенномъ уровнѣ озера, на 20 саж., прочіе островки не болѣе ста футовъ вышины (около 14 саж.) Восточная сторона Валаама между пристанями Тростяной, Змияковской и Желѣзныхъ воротъ большею частію пологая, поросшая соснякомъ, и прилежащіе островки, разбитые по краямъ, довольно плоски. Южная сторона, хотя содержитъ отлогія берега, гдѣ, какъ нарочно, складены розсыпи яицеобразныхъ голышей, изъ разнаго гранита, мрамора и другихъ породъ, но болѣе высокая и отвѣсная. Къ югозападной сторонѣ прилегаютъ островки, которые, понижаясь отъ востока къ западу, простираются остраслями и образуютъ заливы, довольно широкіе въ верхнихъ концахъ своихъ, то есть, на востокѣ. Вспомнимъ Никоновскій и Монастырскій заливы. Въ томъ же направленіи, надо полагать, скло-

нѣется весь островъ, потому что, на восточной сплошной сторонѣ его, около верхнихъ концевъ заливовъ, или на одинѣхъ линіяхъ съ ними, лежатъ почти всѣ 10 Валаамскихъ озеръ, которые, конечно, были сперва продолженіемъ заливовъ и отдѣлились отъ нихъ послѣ значительнаго пониженія Ладожскаго озера. Главныя же высоты Валаама, какъ доказываютъ высокія горы при верхнихъ концахъ Монастырскаго, Никоновскаго и другихъ заливовъ, находятся вдоль и посреди острова.

Вотъ опись озеръ Валаамскаго острова, измѣренныхъ 17 декабря 1846 г. тщаніемъ о. Игумена съ братіею, тѣмъ болѣе любопытная, что черезъ нѣсколько лѣтъ по ней можно будетъ правильно судить о степени осушенія острова.

	Наибольшею длиною,	шириною,	глубиною.
1. Оз. Виталіево (на В. его была пустынь пп. Виталія), овальное, нѣсколько широкое къ сѣверу	65 саж.	29 саж.	4 ар. въ срединѣ озера.
2. Антоніево (по плану Лауко, на С. его была пуст. пп. Антонія), трехугольное. .	148 —	147 —	6 ар. со стороны пустыни.

3. Евоимієво (по плану Валлать; на СВ. его была п. Іеросхимонаха Евоимія), овальное, болѣе широкое къ югу.	107	—	50	— 6 ар. въ срединѣ.
4. Германово (по плану Пало; на СЗ. его была п. ин. Германа, отправленнаго въ Америку), овальное. Оба находятся на линіи Монастырскаго залива близъ Зимняковской пристани . .	89	—	41	— 3½ ар. въ срединѣ.
5. Желѣзниковское (по плану Курикандо), близъ пристани Желѣзныхъ воротъ, на линіи Скитскаго залива, ромбоидальное	93	—	56	— 5½ ар. въ срединѣ.
6. Лещево, около 4 в. въ окружности, въ видѣ сердца, на линіи Московскаго залива, о трехъ рукавахъ: а) восточный или кирпично-заводскій, названный по кирпичному заводу на С. рукава.	265	—	115	— 9 ар. на Ю. рукава.
b) Лещевскій или сѣверный, поралельный восточному	390	—	121	— 4½ ар. въ срединѣ.

с) Аѳонасьевскій или южный (на ЮЗ. его была пуст. пн. Аѳонасія).	280	—	65	— 4 ар. со стороны пустын.
7. Никоновское (по плану Мельничное), близь пристани Никоновской, овальное. .	92	—	48	— 6 ар. въ средин.
8. Игуменское (на СЗ. была п. о. Игумена), овальное. Съ нимъ соединяется узкимъ протокомъ	96	—	58	— 4 саж. со стороны пустын.
9. Мустоярви (такъ называется оно и на старомъ планѣ) прямостороннее, длинное. Съ нимъ соединяется прорытой канавой	86	—	33	— 5 ар. въ средин.
10. Оссіево (на С. была пуст. пн. Оссія), прямостороннее, длинное. Эти три озера въ Валаамскомъ планѣ названы Мустоярви	42	—	22	— 3½ ар. въ средин.

Основныя толщи Валаамскихъ островковъ твердаго, сплошнаго и сливнаго строенія. Онѣ преимущественно состоятъ изъ темносѣраго гранита, мелкозернитаго и плотнаго, который переходитъ на нѣкоторыхъ высотахъ въ рогообман-

ковой сланецъ (сіенитъ), то есть, вмѣсто слюды замѣняется рогообманкой. Красный гранитъ составляетъ здѣсь болѣе южныя отлогости островковъ; онъ мельче и ровнѣе зернами, нежели рапакиви; его пересѣкаютъ нерѣдко жилы розоваго цвѣта, до двухъ вершковъ шириною, состоящія изъ одинхъ кварцевыхъ зеренъ, связанныхъ глиною. Эти сплошныя толщи огневаго происхожденія, измѣнившись въ своемъ составѣ во время образованія, подвергаются большимъ измѣненіямъ отъ соприкосновенія съ водою и воздухомъ. Изъ измѣненныхъ, слоистыхъ породъ здѣсь встрѣчаемъ сѣрый сланецъ, слюдяный и глинистый, равно бурый, песчаный и въ другихъ видахъ. Одна и таже горная порода, въ основаніи острова, со стороны доступной вѣтру и волнамъ, бываетъ темно-бурая, отвѣсная, въ трещинахъ; на верхнихъ склонахъ острова, ржавая, осыпающаяся, а на самой вершинѣ, плоская и выглаженная. На отвѣсныхъ берегахъ островка, съ квадратными трещинами, она распадается на кубическіе куски, которые и лежатъ грудами на подошвахъ; на отлогихъ, съ неправильными трещинами, каменныя глыбы сдвигаются съ мѣста. Чѣмъ выше гора надъ водою, то есть, обнаружилась ранѣе, тѣмъ ея порода рыхлѣе. На вершинѣ Мо-

пастырской горы, на кладбищѣ иноковъ, находимъ, ржавый рогообманковый слапецъ содержитъ песокъ и дресву, которой куски увеличиваются съ глубиною, и этотъ слапецъ обращается въ песокъ отъ легкаго удара. Какъ на многихъ склонахъ ржаваго хрупкаго слапца, на Крестовомъ островѣ, на горахъ въ пристаняхъ Никоновой и Баённой, видимъ бурый песокъ, неравный зерномъ, который, судя по тяжести и по количеству пристающаго изъ него желѣза къ магниту, изобилуетъ желѣзной рудой; такъ многіе склоны твердаго сѣраго слапца покрываетъ болѣе сѣрый, мелкій, глинистый песокъ неравнаго зерна. Все это доказываетъ, что горныя породы, трескаясь, силою воздушнаго электричества, распадаясь на дресву и песокъ, при рѣзкихъ переходахъ воздуха сыраго въ сухой, холоднаго въ теплый, образуютъ почву въ одно и тоже время, какъ на вершинахъ горъ, такъ и тамъ, гдѣ доступна порода порывамъ волнъ и вѣтровъ. При такомъ разрушеніи горной породы и образованіи почвы вершины островковъ сравниваются и соединяются; песокъ, по тяжести своей, остается на мѣстѣ, а глина, по растворимости въ водѣ, увлекается дождевыми и снѣговыми потоками и осядаетъ ниже на отлогостяхъ островковъ. Волны съ своей стороны дѣй-

ствуютъ такимъ образомъ на камень подъ водою. Наносная или осадочная почва на острову двухъ видовъ: сѣроватаго мелкаго зерна, глинистая, довольно глубокая, которая съспода содержитъ бѣлую глину, покрывающую чистую зеленую глину, какъ у кирпичныхъ заводовъ, и краснопесчаная отъ 4 до 5 дюймовъ глубиною. Почва сѣровато-глинистая преимущественно развита на сѣверо-востокѣ Валаама и служитъ здѣсь ложемъ верхнимъ концамъ заливовъ, озерамъ и вообще сплошной части острова; а краснопесчаная развита на юго-западѣ острова, на высокой его срединѣ. Это явное раздѣленіе почвы Валаама, сообразное общему склону подпочвы, доказываетъ не давнее осушеніе острова, тѣмъ убѣдительнѣе, что пространство почвы, въ сравненіи съ обнаженнымъ каменистымъ пространствомъ Валаама, очень ограничено на острову.

Дикая растительность на Валаамѣ, какъ и на окрестныхъ берегахъ Ладожскаго озера, не разнообразна, соотвѣтственно почвѣ. Въ открытыхъ мѣстахъ, на каменныхъ гладкихъ вершинахъ плоскихъ и низменныхъ островковъ, на нижнихъ склонахъ высокихъ островковъ, на подпочвѣ, обнаруживающейся въ лѣсу изъ подъ наносовъ, замѣтнѣе всего мелкіе лишаи, ягели и мхи, трава яго-

докъ (daphne misereum), шарообразные кустики съ лиловымъ цвѣтомъ обыкновеннаго вереса (ericavulgaris. Lin), потуземному капервы, и тонкая, рѣдкая сосна, укореняющіяся въ трещинахъ и неровностяхъ, По межъ деревьевъ лишаи стелятся росльѣе и шире, чѣмъ на обнаженномъ камнѣ, и подъ кровомъ рѣдкой сосны они бѣлѣютъ какъ лунные просвѣты. На песчаныхъ участкахъ, по вершинамъ и склонамъ открытыхъ островковъ размножаются ягодные кустики разнаго роста и вида. Но здѣсь земляника ниже всякой травы, дикая роза (шиповникъ) стелится наровнѣ съ травою, ароматная малина (ваапукка) растетъ только на полъаршина отъ земли, и всѣ ягоды созрѣваютъ очень поздно, въконцѣ августа мѣсяца. Водяныя травы здѣсь гораздо многочисленнѣе, и многія рѣдкихъ породъ. По видимому разнообразны и луговыя травы, но онѣ встрѣчаются болѣе на пашняхъ, или вблизи ихъ, слѣдовательно, сѣмена этихъ травъ могли развестись отъ хлѣбныхъ сѣмянъ, съ которыми онѣ были смѣшаны, а хлѣбныя сѣмена изъ другихъ губерній не рѣдко употребляются здѣсь, за недостаткомъ своихъ. Изъ многихъ тучныхъ луговъ на острову особенно славится мягкой и великорослой травою лугъ Херрама. Въ 1849 г. иноки накосили сѣна до 1390

копенъ, пологая каждую въ $8^1/_2$ пуда. Высокой и густой лѣсъ на тучной почвѣ усѣиваютъ влажные грибы разныхъ видовъ, отъ мелкаго груздя до волнушки въ четверть аршина шириною, и здѣсь тотъ же видъ колокольчика, который едва замѣтенъ на камнѣ въ перелѣскѣ, содержитъ аршинный стебель съ цвѣткомъ въ рюмку. Лѣса разсѣляются очень опредѣленно. Снаружи островковъ на каменныхъ склонахъ, чуть покрытыхъ бурымъ, крупнымъ пескомъ, укореняется одна сосна, внутри островковъ, на почвѣ мелкой, глинистой ростетъ и ель. Эти деревья разнятся наружностью: сосна овально загибаетъ вверхъ свои вѣтви, напротивъ ель опускаетъ ихъ пирамидою, такъ же какъ здѣшняя почва, не давно образованная, бываетъ въ двухъ видахъ, и произрастаютъ въ смежности другъ съ другомъ, такъ же какъ обѣ почвы покрываютъ одна другую болѣе или менѣе. Здѣсь случается можевельникъ ровными продолговатыми деревцами. На почвѣ мелкой, болотистой, напримѣръ, сзади монастырской горы, ростетъ подлѣ хвойнаго лѣса ольшникъ и березнякъ. Есть примѣры, что береза и ель, сближаясь, представляютъ одно дерево съ еловыми вѣтвями на одной и березовыми на другой сторонѣ; береза и ольха ростутъ чаще кустами, нежели де-

ревьями. Но недостаточная глубина почвы и слабое оттого укорененіе деревъ часто бываютъ причиною самопстребленія здѣшнихъ лѣсовъ. Какъ бы не были толсты и высоки деревья, бурный вѣтръ вырываетъ ихъ въ иныхъ мѣстахъ, по одиначкѣ, или цѣлыми полосами, и опрокидываетъ совсѣмъ объемомъ корней, которые оказываются тонкими и короткими, совсѣмъ не по объему дерева. Иноки живо помнятъ, какъ 30 августа 1839 г., во время поздней обѣдни, сильная буря повалила цѣлыя полосы лѣса на горѣ обители со стороны ос. Святаго. Они не имѣютъ нужды рубить лѣсъ на топливо, едва подбирая валежникъ. Кромѣ того въ воздухѣ здѣшнихъ лѣсовъ очень ощутительно обиліе влаги и не достатокъ теплоты. На всѣхъ берегахъ островковъ сосна ростетъ съ отгнившими, обломленными вѣтвями до самой вершины, въ густомъ и высокомъ лѣсу ель бываетъ заволочена мхомъ, какъ паутиною, и на низменной почвѣ осина и береза часто встрѣчаются съ гнилою серцевиною. Это самоистребленіе лѣсовъ побудило о. Игумена съ братіею изыскать и употребить всевозможныя мѣры къ ихъ сохраненію. Во многихъ болотистыхъ мѣстахъ проведены уже водостоки, для осушенія почвы, во всѣ концы острова проложены прямыя и ши-

рокія дороги, для удобнаго сбора валежника, который, падая часто гнететъ и разрушаетъ сосѣднія деревья. Впрочемъ лѣсу на Валаамѣ, сравнительно съ его пространствомъ почвы, очень много.

Искуственная растительность отличается здѣзь особеннымъ плодородіемъ. Для пашней и садовъ иноки избираютъ преимущественно краснобурый, крупный песокъ, находящійся въ изобиліи почти на всей лѣвой сторонѣ Монастырскаго залива. На этой почвѣ хлѣбъ родится лучше, нежели накакой другой, и питательныя коренья, листья и плоды произрастаютъ съ большой величиною, въ такомъ изобиліи, что иноки запасаютъ овощи на круглый годъ и снабжаютъ ими прибрежныхъ жителей. Въ 1850 г. 5 кулей ржи, посѣянной 8 августа 1849 г., сжатой 10 августа, дали 59 кулей; 31 куль овса, посѣяннаго 3 мая 1850 г., дали 135 к.; 2 четв. ячменя « « « дали 16 четв.; 5 фунт. огурцовъ, посѣян. на грядахъ 21 мая, снятыхъ 22 іюня дали 30,000 огур.; 25 четв. кортофеля, пос. 5 мая, сжат. 6 сентября, дали 200 четв.; 17 штукъ тыквъ, посѣян. 10 мая, сжат. 5 сентяб., дали 500 штукъ.

Дыня вѣситъ здѣсь 7 фунт., арбузъ 21 фунт., тыква до 2 пудовъ. На той же почвѣ бываютъ очень плодоносны и плодовыя деревья: испан-

скія вишни, яблоки (Рамбовской породы) и проч. Многія изъ яблонь въ томъ году принесли до 20 четвериковъ яблокъ. Однако ягоды и плоды здѣсь водянисты, а сливы и груши на вольномъ воздухѣ совсѣмъ недозрѣваютъ, почему ихъ и не разводятъ здѣсь. Эта малозрѣлость плодовыхъ деревъ конечно зависитъ отъ недостатка теплоты въ воздухѣ. Но какъ сырой воздухъ дѣятельно разрушаетъ здѣсь камень и деревья, къ распространенію и утучненію почвы, то юной почвою природа вполнѣ вознаграждаетъ за недостатокъ теплоты для здѣшней растительности.

Валаамъ не обилуетъ животными, такъ же какъ и растеніями. На водахъ, вдали отъ обители, живутъ попарно чайки, морскіе тетерева или черныя утки съ бѣлымъ перомъ вверху крыльевъ; на Монастырскомъ заливѣ ежегодно плаваетъ пара гагаръ. Въ теплые дни августа мѣсяца чайки собираются уже многочисленными стадами на плоскихъ островкахъ, противъ Петровской пристани; а красносѣрая утка еще плаваетъ съ птенцами; ныряя вмѣстѣ и выплывая порознь, они садятся на островки противъ обители въ заливѣ. Эту птицу пугаютъ здѣсь только выстрѣлы при ломкѣ камня для построекъ. Здѣшніе журавли сѣрые, на темной головѣ ихъ малиновая темень, передъ шеи съ бѣ-

лой полосой отъ глазъ, клювъ короткій. Пойманные птенцами и воспитанные въ обители, они вяло ходятъ по дворамъ, чаще стоятъ, поджавъ одну ногу и голову уткнувъ въ крыло; осенью же покоются такъ въ замерзающей водѣ. Пѣвчую птицу не привлекаютъ здѣшніе лѣса, мшистые и поросшіе рѣдкимъ сосняком; но она пролетаетъ ихъ поздней весною. Лѣтомъ, въ глухихъ мѣстахъ, на соснахъ гнѣздятся: ястреба, орлы, и замѣченъ былъ коршунъ на скалѣ ос. Святаго; въ высокихъ травахъ гнѣздятся дергачи (коростели), въ нивахъ жаворонки, на строеніяхъ ласточки. Круглый годъ живутъ на строеніяхъ: воробьи, сѣрыя плиски и вороны; но голубей, галокъ, грачей, куропатокъ совсѣмъ нѣтъ на острову. Обитель не дозволяетъ охотиться за дикой птицею и не держитъ домашней. Звѣрей еще менѣе на острову. Въ кустахъ мозжевельника и ольшняка замѣчаютъ норы зайцевъ, въ пескѣ, между каменьевъ, норы лисицъ; волки, не имѣя чѣмъ поживиться на острову, приходятъ сюда только зимою, съ ближайшихъ береговъ озера. Впрочемъ въ лѣсахъ, обильныхъ мохомъ, близъ Желѣзняковъ, около озера Лещева, рыщатъ свободно темно-бурые олени; весною они выходятъ на ледъ и грѣются на солнцѣ, стадомъ до 40 головъ, лѣтомъ

встрѣчаются въ каменистыхъ перелѣскахъ, семьями до 6 головъ. Старые изъ нихъ, вышиной съ туземную корову, способны плавать такъ быстро, что никакая лодка не можетъ поспѣть за ними. Обитель не держитъ рогатаго скота; но по необходимости своего большаго хозяйства разводитъ лошадей, которыя всѣ, числомъ до 60, туземной Корельской породы, не большія, но статныя и проворныя.

Хотя будутъ поверхностны наблюденія путника надъ здѣшней природой, во время его прогулокъ, все онъ можетъ убѣдиться, что Валаамъ—особый міръ. Въ сравненіи съ окрестностью, этотъ островъ представляетъ образецъ древней Сѣверной Финляндіи, не въ большомъ размѣрѣ, но въ полномъ видѣ. Окруженный отвсюду водою, самымъ мѣстоположеніемъ этотъ островъ огражденъ отъ естественнаго вліянія посторонних мѣстностей; не можетъ причинить измѣненій въ его природѣ и духовная обитель, которой онъ заселенъ отчасти; поэтому Валаамъ сохраняетъ естественную первобытную юность. Такое состояніе природы какъ кстати соотвѣтствуетъ нравственной жизни иноковъ, стремящихся сохранить первобытное совершенство духовной природы человѣка. Въ этомъ соотвѣтствіи, равно какъ и въ

сохраненіи Православной церкви на Валаамѣ, со времени начала Христіанства на сѣверѣ Россіи, очевидѣнъ Промыслъ Божій. Вотъ какой примѣчательной и рѣдкой чертой отличается Валаамъ отъ другихъ острововъ. Чье онъ не увлечетъ любопытство изъ просвѣщенныхъ жителей столицы, отъ которой отстоитъ такъ недалеко и гдѣ столько есть способовъ преодолѣть всякое разстояніе?

Богомольцы и любопытные стекаются на Валаамъ въ значительномъ числѣ, два раза въ годъ: около Благовѣщенія и Петрова дня. Къ первому празднику пріѣзжаютъ на саняхъ до тысячи человѣкъ, большею частію жители окрестныхъ береговъ озера. Къ послѣднему приплываютъ: богомольцы съ ос. Коневца, отпраздновавъ тамъ 12 іюня и пользуясь монастырской соймой, пароходъ «Петръ Великій» съ жителями столицы, до полутораста человѣкъ, судохозяева съ восточнаго берега озера, изъ села Сермаксы, изъ г. Олонца, съ земляками, взятыми за ничтожную плату, и жители западнаго берега озера на рыбачьихъ лодкахъ. И такъ, если вѣтеръ благопріятствуетъ плаванію судовъ, стекается на островъ до трехъ тысячъ гостей. Тогда на дворахъ обители, вмѣсто прохожихъ, обыкновенно, по одному,

въ черныхъ одѣяніяхъ, съ скромной поступью, встрѣчаются пестрыя толпы молельщиковъ и любопытныхъ, раздѣляющихъ радушно праздникъ иноковъ, и оживленныхъ своими желаніями и обѣтами. Въ эти дни иноки трудятся съ полнымъ, примѣрнымъ самоотверженіемъ для одного гостепріимства. Они дѣлятъ со всѣми пріѣзжими свой кровъ и пищу, каждого привѣтствуютъ, каждому услуживаютъ. Ихъ трудъ въ церквахъ, въ хозяйственныхъ кельяхъ, непрерывный во время праздника, удивляя мірскаго человѣка, просвѣщаетъ разумъ его истинной добродѣтелью и оживляетъ сердце братской любовью. Къ вечеру праздника настаетъ прежняя тишина въ обители. Передъ отъѣздомъ всѣ идутъ поклониться Валаамскимъ святымъ. Всѣ, по внушенію сердца, благодарятъ за щедрое и предупредительное гостепріимство иноковъ: крестьяне не минуютъ принесть въ даръ разныя сельскія произведенія, а городскіе жители сдѣлать вклады въ кружки церквей. Чуть раздался первый звонокъ отправляющагося парохода въ обратный путь въ столицу, путники и сбираются поспѣшно, и жалѣютъ оставить гостепріимную обитель. Но благословеніе о. Игумена съ братіею, стоящею за рѣшеткой съ краю монастырской горы, посылаетъ имъ утѣши-

тельную надежду побывать здѣсь другой разъ въ жизни, по благополучномъ возвращенiи домой. Между тѣмъ пароходъ распускаетъ свое дымное, искрометное перо, гребетъ красными колесами, какъ лапами, и простирая за собою двѣ расходящiяся волны, несется чернымъ лебедемъ по заливу на пустынное озеро. И разлучаясь, богомольцы и иноки говорятъ мысленно другъ другу: спаси васъ Господи!

1905